

МИХАИЛ ГОХБЕРГ

**ИНТЕРЕСНЫЕ, ОПАСНЫЕ,
А ИНОГДА ГЛУПЕЙШИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АВТОРА**

Москва
2018

ОТ АВТОРА

Современный читатель в большинстве склонен к небольшим произведениям, которые он видит впервые и может мимоходом прочитать в силу своей занятости.

Поэтому здесь частично что-то выбрано из уже написанного многостраничного.

При этом практически убрано всё серьёзное, — заглавие обязывает. Так что его — серьёзного и ждать нечего, — читайте с лёгкостью, и пусть сей труд доставит Вам какие-то положительные эмоции.

СОДЕРЖАНИЕ

В ВОЗДУХЕ

Полёты в Альпах и лягушки.....	6
Дракон в Крыму.....	9
Праздник ВМФ в СССР.....	11
Мои механики.....	13
Опасный вид с высоты.....	15
Кино-эпопея.....	16
Перелёт Государственной Границы.....	20
Забавное за грузинским столом.....	23
Царственный полёт.....	24

В НАУКЕ

Необитаемый остров.....	32
Советско-Французская забастовка.....	37
“Sabbatic” и Такаяма.....	41
Такаяма — просто.....	43
Жонглирование Такаямой.....	46
Выездные.....	47
«Выездной Наумчик».....	50
Виски — науке.....	53
Казус взрыва.....	55
АП.....	57
Прораб Сибири.....	60

В ЛЮБВИ

Догадливый тренер.....	64
Чёрная Африка.....	65
Любовь львов и.....	68
Французский симпозиум.....	69
Валерия — «С ЛЮБОВЬЮ!».....	73
Два розыгрыша.....	76

В ПОЛИТИКЕ И РАЗНОМ

Ядерная бомба и Король Людовик.....	80
Эксперимент «Семипалатинск — Невада».....	82
«ФОРУМ ЗА МИР» и Сахаров.....	84
Тикет.....	85
Эксперимент «Чёрное Море» и адмирал.....	87
Американский домик.....	89
Гармский медведь.....	91
Поразительная записка.....	92
«Пражская весна».....	93
Капуста и война.....	95
Американский Гиннес.....	96
Французы и советские звёзды.....	98
ООН и неожиданная встреча.....	101
«Гранд Опера» и «Комсомолка».....	102
Серф искусственный.....	104

В ВОЗДУХЕ

ПОЛЁТЫ В АЛЬПАХ И ЛЯГУШКИ

Так уж получилось, что в горнолыжном курорте «Авориаз» на границе Франции и Швейцарии эпоху полётов на дельтаплане пришлось открыть мне — русскому пилоту.

Кстати, это был и мой первый высокогорный, и, к счастью, успешно завершившийся полёт.

В тот далёкий 1972 год, работая во французском Институте Телекоммуникаций, проводил я всё своё свободное время с Чемпионом Мира по акробатике на «воздушном змее» — Бернаром Дэнисом.

Летали мы с ним на дельтапланах его изготовления с небольших холмиков под Парижем. А вот в больших горах, особенно при стартах на лыжах, ни мне, ни ему летать не приходилось. Тем более, горными лыжами он не владел и, как он говаривал, до «колик в животе» подходить к ним боялся. Это он только так говорил, а на самом деле был смелым и авантюрным.

Поэтому, когда ему предложили устроить шоу — демонстрационный полёт в Авориаз — он, ни минуты не думая, согласился и очень расстраивался, что я уезжаю и не смогу ему помогать с горными лыжами.

Но Бог был с нами, и я неожиданно получил продление моего пребывания в Париже, поскольку открыл эффект взаимодействия электромагнитных волн в магнитосфере Земли.

Юра Раковский — атташе по науке, устроил мне продление как волшебник. (По случайному совпадению, руководитель Отдела Науки ЦК перебирался в тот момент послом во Францию. Так он по Юриному намеку в одно мгновение сам себе распоряжение отдал по соответствующим каналам, чтобы мне остаться еще на месяц в Париже).

«Votre sejour prolonge encore un mois» — это такой «сообщение» он оставил мне в отеле. (Ваше пребывание продлевается на месяц).

В первый же «weekend» и отправились мы с Бернаром в очередной «voyage» — искать приключений в Альпах. Да, как увидели сверкающий огнями город на вершине горы, так спеси-то и поубавилось. Очень высоко нужно было спрыгивать для первого раза. Полчаса поднимать пришлось на лифте одну нашу машину с дельтапланами.

На следующий день уговорил я Бернара не делать шоу, настроился попрыгать с холмиков поменьше. Он и усладил меня с глаз долой подальше, чтобы не позорился я со своими прыжками.

— Птенец ты, — говорит, — недоученный, будешь мне здесь портить рекламу.

А назавтра, в воскресенье, народу привалило — всем интересно увидеть шоу. Отступить дальше некуда.

— Ты, — утешает меня Бернар, — вчера напрыгался, теперь лети первым, — это он так не любил подходить к горным лыжам.

Вот и выпала мне, русскому, такая честь — первому во французском горном курорте открывать воздушную трассу.

Открыть-то открыл, прирос к трапеции, еще толком не умея делать повороты. Прямо на десятиэтажные отели нацелился, за которыми километровая пропасть. От такой высоты, если эти дома перелететь, разрыв сердца мог бы наверное случиться с непривычки. Потому и пришлось мне сделать свой первый поворот перед окнами отеля, да, переведя дух, улететь в другую долину.

Удачно все получилось, французы машут шапочками снизу, кричат «браво». В свое удовольствие перекликались мы с ними, пока я в снег не бухнулся. Через пять минут и Бернар угодил в то же место, сел метров на двадцать дальше.

Я, — говорит, — обыграл тебя. После этого на радостях подсунул он мне целое блюдо с лягушками, когда руководство отелей нас чествовало. Показалось мне тогда, что подали нам какие-то крылышки.

Спросил осторожно:

— Что это за птички?

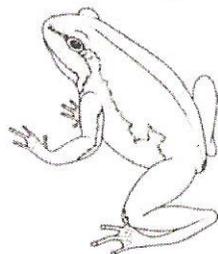
— Не птички это, а «греньуй», — отвечают. Не знал я тогда, что «греньуй» — так лягушки именуются.

Опять спрашиваю:

— Что это за птички такие — «греньуй»?

Бернар так прямо и объяснил мне, что птички эти «ква-ква» делают.

Стали «греньуй» с тех пор моим любимым блюдом.

ДРАКОН В КРЫМУ

Ранним летним утром, и был это 1975 год, на гору Демерджи, вернее к «Катеринойной голове», венчающей её вершину, был поднят аппарат, на котором предполагалось долететь до берега моря.

В Крыму тогда о полетах никто и слыхом не слыхивал.

В свершении сего действия вызвался помогать мне феодосийский планерист Виталий Нелипа, который потерял в небе быстро удаляющуюся точку, — а именно меня вместе с моим дельтапланом, который он называл просто «змеем».

Спускаясь с горы, он через пару часов забрался в виноградники, куда к тому времени сборщицы винограда вышли на работу. Сборщицы те видеть не могли моего полета — позже вышли. Могу представить их удивление, когда растрепанный и растерзанный Виталий начал вопрошать у них, не видели ли они человека, который пролетал здесь на змее?!

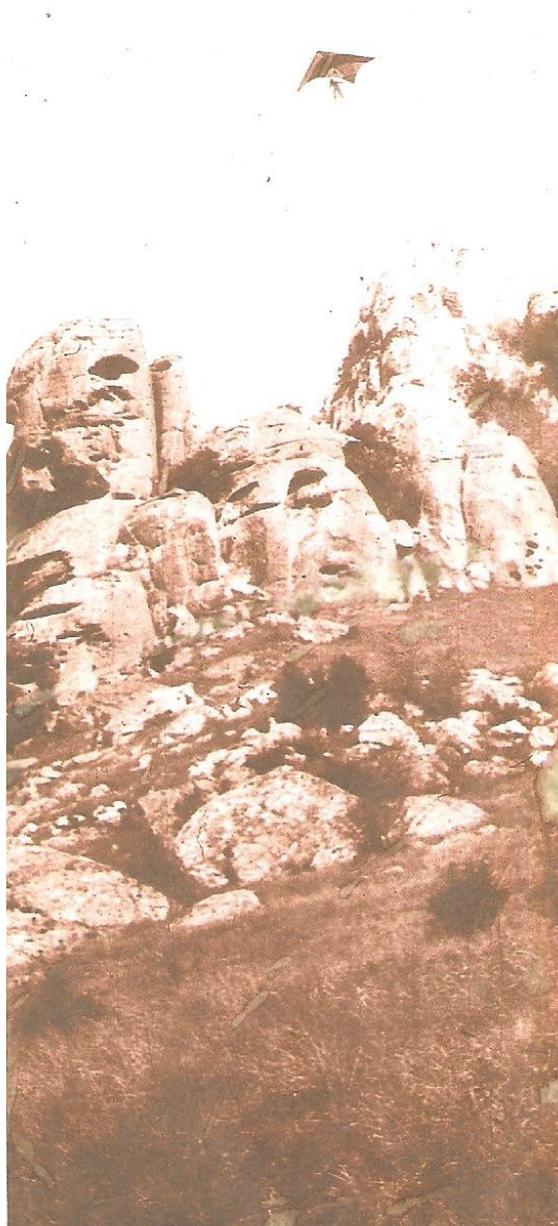
— Может, на драконе с тремя головами? — отвечали.

— Нет, — говорит так серьезно, — на змее.

Они его, наверное, приняли за сумасшедшего, который забрался за виноградом, и долго провожали возмущенными криками: «Не обманив, не обманив!»

Со мной же, когда я пролетал над дорогой Алушта-Судак, приключился случай, который вырос до анекдота с чукчей. Ненавидел я тот анекдот, потому как всяк норовил рассказать его мне при встрече.

А тогда выскочил из кустов охотник с собакой. Мне так показалось, что готов он в меня прицелиться. Только после крика с неба: «Не стреляй!», стал этот охотник махать рульем и подпрыгивать. Собака тоже прыгала... Охотник оказался местным учителем, и мы славно провели с ним время.

ПРАЗДНИК ВМФ СССР

В последнее воскресенье июля праздновали день Военно-Морского Флота СССР. Уже за неделю Химкинское водохранилище перед трибунами Водного Стадиона было заполнено различными репетициями к параду: — корабли, торпедные и гоночные катера, а также воднолыжники из клуба ВМФ, в котором состоял и я.

Новинкой парада должен был быть мой полёт на дельтаплане. При буксировке за катером аппарат забрасывался на большую высоту, и там нужно было начинать свободный полёт над трибунами.

Такие приёмы полёта мне подсказал пионер французского дельтапланизма Бернар Дэнис, а окончательное одобрение я уже получил в школе австралийца Билла Мойеса — первого человека на нашей планете, совершившего свободный полёт на крыльях дельтаплана.

Отправляя меня в полёт над одним из океанских заливов, он предупредил, чтобы я не отцеплялся от буксировочного фала раньше, чем увижу на высоте в первые сотни метров прямо под собой катер.

Отцепишься раньше, — сказал Билл, — не долетишь до берега, а там могут быть акулы! Как же я испугался высоты, когда катер виделся меньше спичечного коробка и, конечно, отцепился раньше! Плюхнулся в воду в сотне метров от берега и поджал ноги, чтобы акулы не тянули, но всё обошлось благополучно, — на подоспевшем катере Билл меня быстро выловил. А его жена, китаянка, для всей команды приготовила вкусный китайский стол, так что быстро пришлось научиться есть палочками.

А тем временем в Москве на Химкинском водохранилище произошло следующее событие.

Во время одной из репетиций полёта на месте предполагаемой посадки на пляже, соседствующем с Водным Стадионом, разворачивалась почти неправдоподобная ситуация, которая в, конце-концов, кончилась добром и смехом.

Мой коллега, научный сотрудник Феликс, решил в этот день отдохнуть с семьёй, и мирно расположился на Химкинском пляже.

Феликс не знал, и даже не мог бы предположить, что может произойти в самое ближайшее время. А случилось то, что он увидел, как на него сверху надвигается чёрная тень. Сверху мне было видно, как Феликс, семеня маленькими ножками, пытался укрыть жену и ребёнка в безопасное место. Против солнца он меня не мог видеть. К тому же на мне был шлем и чёрный костюм «калипсо». Смятение Феликса достигло предела, когда он услышал, как с неба громко прозвучало его имя!

Он потом долго рассказывал в институте, что участвовал в светопреставлении и Чёрный Ангел затмил ему небо!

А на параде ВМФ мой полёт из-за сильного ветра, может быть к счастью, так и не состоялся.

МОИ МЕХАНИКИ

Первые полеты на моторном дельтаплане на аэродроме в Тушино помогали делать мне два механика — забулдыги отменные, но механики классные. Летчики Анохин и Микоян, помню, приходили смотреть на наши упражнения в воздухе. Так эти механики сами летать боялись.

Им бы только с мотором покопаться да меня запустить в воздух и смотреть, что там будет происходить со мной. Не помню сколько раз из-за их опытов мотор в воздухе «клинил», только все с рук сходило.

Однажды даже в международную историю влипли, по всему миру разнесся слух о моих механиках. Приехали немцы, мои друзья-летчики, с которыми я летал в Альпах.

Решили тоже взглянуть на мои полеты с мото-дельтапланом. Зашли в мастерскую, а там все раскидано по разным углам.

— Как же, — спрашивают, — мы летать будем сегодня?

— Сейчас, — успокаиваю, — мои механики приедут, берут все и полетим.

Усомнились мои друзья, головами покачали, а как механиков увидели, совсем приуныли. Один из них принес новый винт, который сам выстрогал вручную. Короче говоря, через час мы все же были на летном поле в Тушино. Быстро мои помощники сработали, и скоро я несся по взлетной дорожке с новым «пропеллером за кормой».

На беду этот пропеллер слишком большим оказался для нашего слабенького моторчика. Не развивал он должных оборотов, и полет не состоялся.

Улыбаются немецкие друзья, посматривают снисходительно.

А механики что? Спокойно так вытаскивают из мешка пилу и давай отпиливать винт!

Я думал пилотов-немцев хватит кондрашка. Они чуть не попадали в обморок. Это при их-то немецкой аккуратности и педантизме ко всем летным деталям — смотреть, как на глазок русские механики кончики винта... отпиливают!

После этих отпиливаний, правда, «свечкой» я взлетел в воздух, и долго выделял разные пируэты перед удивленными немцами. Они долго не могли успокоиться, через годы вспоминали, как проходила моя летная подготовка.

Только ничего нового они не открыли — в те времена почти вся Россия так работала.

ОПАСНЫЙ ВИД С ВЫСОТЫ

Моя дельтапланерная популярность уже тогда привлекала внимание, и одна из киностудий решила отснять материал о наших воздушных подвигах. Все бы и кончилось благополучно, если бы я не надумал после съемок сделать с воздуха свои собственные кадры.

Ан, — мир не без добрых людей. Собираем после трудного дня свой инвентарь, кинокамера валяется около паруса, как слышим сирену, и машина с «вертушкой» к нам подкатывает. Вторая «Волга» окружает нас с другой стороны. Быстро так из них серьезные люди выпрыгивают и на кинокамеру показывают.

Механики мои и рта раскрыть не успели, как меня в машину запахнули и увезли вместе со злосчастной кинокамерой.

Пленку изъяли сразу и полдня держали, выясняя кто я такой, да дышу чем. Оказалось, инструкция есть опасная, что Москву запрещено фотографировать с воздуха, даже панораму нельзя делать с верхних этажей зданий. Вот почему и отбирались фотокамеры перед рестораном «Седьмое небо» на Останкинской башне.

Тогда и в голову никому не приходило, что спутники уничтожат эту проблему, — без разрешения будут фотографировать с ещё большей точностью, чем у меня могло получиться.

А события дальше разворачивались следующим образом. На четырех колесах прикатила в Институт «телега», докатилась до партийного бюро в одно мгновение. Еще и звонок был из горкома партии, чтобы утихомирить «летающего» профессора. Помню, неудобно так было нашему партбюро вызывать меня, — совестливый и соображающий, на наше счастье, там народ подобрался, но директиву выполнили, пообещал я, что больше не буду нарушать с воздуха.

КИНО-ЭПОПЕЯ

Ощущение риска знакомо многим, кто часто свою жизнь подвергал опасности, особенно пьянящее чувство власти над ним. Однако, падение с высоты — премерзейшее состояние. Испытываешь всю беспомощность и ничтожность своего существования, когда напрягаешься для неминуемого удара.

Это счастье, что мои падения при опробовании первой конструкции самодельного дельтаплана были в воду. Как моторист воднолыжного катера, меня буксировавшего, выразился: «Сложил он свои крылышки и с высоты камнем в воду». Так ведь еще при сильном ударе об воду и весь воздух вышибается. («Дух — вон», как говорится.)

Вот и приходилось кричать как новорожденному, чтобы снова наполнить легкие.

Надоело мне заново рождаться — пришел я к Темиру Пинегину — он тогда уже был Олимпийским призером, — чтобы выпросить с его яхты старый парус. Был 1973 год. Спас ведь меня тогда Тёма, отдавая свой парус, спасибо ему.

И первый полет с Чегета он выдержал, когда испугавшись высоты, аппарат я «вогнал в пикирование» и напрямую вниз вдоль Чегетского склона промчался на огромной скорости по направлению к месту посадки.

Как в гипнотическом сне, только это малое пятнышко и видел сквозь слезы, вышибаемые ветром. Напор встречного воздуха был настолько силен, что защитные очки пробились мгновенно. Посадка намечалась недалеко от шашлычной, где мои знакомые мирно беседовали. На шум они повыскакивали, — это концы крыльев от скорости страшно хлопали — ведь я забыл вставить «латы» в парус. Не зря тренер армейской сборной бегал шуточки ради с шапкой по зрителям, столпившимся вокруг меня.

Слово за слово, а только получилось, что 20 лет спустя, был жив еще парус, и мой друг на нем летал. Крепок оказался тот «Олимпийский» парус, как и наша спортивная дружба.

После этого полета, в те времена единственного высокогорного в Союзе, всем стало ясно, что неплохая вежа была забита в историю отечественного дельтапланерного спорта.

На меня же началась «охота».

Фотокорреспонденты «охотились» с фотоаппаратами, грузины и местные сваны «охотились» с ящиками вина, чтобы выпить с «летающим человеком». Я же «охотился» по-своему... — с неба. Как пелось в песне: «мне сверху видно все...». Поэтому не было ничего прекраснее приземления около симпатичных девушек, коими изобиловали склоны Чегета, как весенними рододендронами.

Жизнь была прекрасна и не омрачена даже тем, что я самым глупейшим образом пытался совместить пик этих полетов с пиком написания моей докторской диссертации. Разложив ее на столе в отдельном гостиничном номере, который мне трогательно выделило руководство нашей воднолыжной сборной Военно-Морского Флота, я уж, конечно, ни разу к ней не притронулся. А ведь не возьми сей труд в горы, корил бы себя за упущенное время.

Кончилась «охота» тем, что меня поймала киностудия «Центрнаучфильм» и сделала цветной документальный фильм «Летающий лыжник», который шел на экранах Союза наряду с киножурналом «Новости дня».

Никто и не подозревал тогда, что весь фильм был заснят на «лопатах». Случилось так, что по прибытии группы кинооператоров несколько дней погода стояла нелетная, и в первый же ясный солнечный день меня упростили хотя бы разобрать аппарат и хоть чуть-чуть с ним попрыгать для пробных съемок. На лавинном выкате, куда мы пришли, ветер дул в спину, и сильно разогнавшись на лыжах, я не

только не смог «подпрыгнуть», а сделав отчаянную попытку, самым не фотогеничным образом врезался в противоположный склон овражка прямо у ног живописно расположенной съемочной группы.

Аппарат разлетелся вдребезги, чем спас меня, приняв на себя всю силу удара. Тем не менее, мне пришлось отлежаться несколько дней, и только после долгих уговоров я приступил к ремонту и восстановлению того, что осталось. И уж, конечно, во всем Баксанском ущелье не нашлось такого количества подходящих трубок, и в поломанные места были аккуратно с молитвой засунуты... древки лопат.

Финальную же точку во всей тогдашней кино-эпопее поставил шофер киногоруппы, который после-таки успешного окончания съемок постучался рано утром ко мне в дверь и произнес следующее:

— Пусть твои друзья, которые хотят ехать со мной в Москву, быстро собираются, потому что у меня в кузове... осёл, которого я купил и везу с собой. Пока что он тихий и спит, поскольку напоен водкой.

Спросонья я ничего лучшего не придумал, как проворчать:

— Ты, что? С ума сошел!

И тут же получил резонный ответ:

— Так ведь ты же... летаешь!

Уже в Москве до меня дошел слух, что тот осёл на потеху ребятишкам преспокойно перезимовал в одном из дворов. Как и в Баксанском ущелье, он жил на помойке и обожал жевать наши популярные газеты — «Правду» и «Известия».

ПЕРЕЛЁТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

На один «weekend» пригласил меня полетать в Альпах летчик — акробат Джерри Гробхольц.

Моя добросовестная работа в Институте Макса Планка в Линдау принесла плоды, и «Годовой Всегерманский» единый билет, которым по очереди пользовался весь Институт, оказался моим. Последовало торжественное предупреждение о невозможности передачи его в любые руки, даже контролеру.

Собирала меня в путь вся международная коммуна, которая работала в Институте и жила в доме под названием «Гибельхауз». Кто куртку принес, кто рюкзак, кто шапочку с помпончиком. Вид у меня был что надо. Вот я и забрался ночью в пустой вагон первого класса, идущий до Мюнхена, и заснул безмятежно с рюкзаком под головой.

Настойчивый стук в купе вернул меня к действительности, подозрительные глаза контролера буравили насквозь, а рот изрек «Ihre Fahren Karte, bitte!»

То ли спросонья, то ли из чувства протеста я долго копался в рюкзаке, разыскивая сверхдорогой «Всегерманский» единый, а контролер возвышался надо мной как меч, неминуемо карающий, в предвкушении акта выдворения хиппи.

Ну и удивился он, увидав у меня в руках кожаный переплет билета!

«Schlafen, schlaffen, bitte, bitte!» — прошептал он и ретировался.

Встретили меня Джерри и его друг Харти, и отправились мы в Альпы. Как оказалось, продолжая спать на заднем сиденье машины, я и не заметил, как наша компания укатила в Австрию. Здесь надо отметить, что в середине 70-х безвизовый, несанкционированный визит в другую страну во время служебной командировки грозил «не выездными» последствиями. Но это было только начало.

Летали мы из Австрии в Германию, никаких границ не замечая, перелетали немецкий приграничный город и за ним благополучно приземлялись в долине.

Все бы хорошо и закончилось, да к вечеру с гор задул ветер. Все мои немецкие друзья, кто стартовали на лыжах, попадали в пропасть, вылезли оттуда — чертыхаются, аппараты поскладывали да укатали вниз на подъемнике. Только Джерри и Харти улетели, потому как без лыж взлетать научились.

Вот и остался я один на австрийской вершине у пропасти, куда нельзя было и думать бросаться на лыжах с попутным ветром.

Перебрался на пологую трассу, взлетел с грехом пополам, а из леса вылететь не смог. Так и вертелся: куда трасса — туда и я, все ее изгибы выкручивал. Только перед этим немецким городком, когда склон стал покруче, вышло взлететь над лесом. За этим маневром не заметил, что растерял высоту, а как заметил — было поздно. Не перелететь мне город — да и только, падаю над самым центром, как в кошмарном сне.

Городишко-то весь в остrokонечных крышах, натянутых проводах, кирхах со шпилями. Одно место только и отыскал — парковку, машины плотно так стоят.

Не хватит никаких моих советских суточных, если проехаться лыжами с острыми кантами по их крышам, натертым до блеска с немецкой аккуратностью. У меня тогда даже в глазах зарябило, да блики запрыгали в лучах заходящего солнца. Как-то вдруг стало жалко расставаться с моими негустыми суточными.

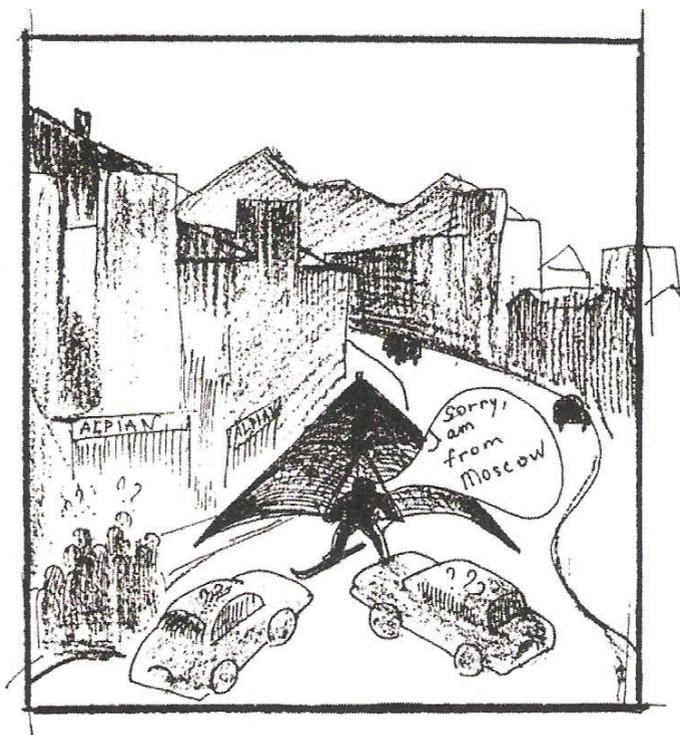
Вот и ухитрился вылететь через ворота стоянки на центральную улицу. Сел на асфальт прямо на лыжах, — все движение транспорта остановилось. Окружили меня, — было все это тогда в диковинку, — спрашивают о чем-то

участливо. Только начал объясняться по-английски, поинтересовались, не из Англии ли я?

— Нет, — говорю, — я русский... — из Москвы.

Ну и шуму было! Расспрашивают, просят автографы. Наутро заметка появилась в местной прессе: «Советский, мол, ученый «акцидентально» приземлился в центре города, остановив все движение».

Ровно через десять лет Руст перелетит границу Союза и приземлится на Красной площади. Мы смеялись, что разница была лишь в том, что после моего приземления не пострадал министр обороны Германии.

ЗАБАВНОЕ ЗА ГРУЗИНСКИМ СТОЛОМ

История моего перелёта Германской Государственной Границы (ГГГ), как говорится, облетела весь мир, и вот какое небольшое продолжение она имела.

Сотрудница Института Космических Исследований Тамара Бреус принимала у себя дома американскую делегацию.

Был вкусный грузинский стол, за который и я был приглашен.

Надо же случиться такому, что мой американский визави, после нескольких бокалов хорошего грузинского вина, начал рассказывать «story», как он выразился, про какого-то сумасшедшего русского, который во времена советского застоя работал в Институте Макса Планка в Линдау и устраивал перелёты через германскую границу!

Когда же мои друзья, сидящие за столом, заметили ему, что тот сумасшедший русский сидит напротив него, он несколько секунд пребывал в молчании...

ЦАРСТВЕННЫЙ ПОЛЁТ

«... И был прекрасен царственный полёт...»

...Оставшийся в долине утренний туман рассеивался и рваными кусками поднимался вверх, и исчезал там, не в силах противостоять потокам тепла, догонявшим его. Порой можно было видеть и сам теплый воздушный пузырь, поднимающий слой тумана и увлекающий его в виде легкого одуванчика, ножка которого становилась все тоньше и тоньше и, наконец, опадала вниз, оставляя наверху белый клубочек, который быстро испарялся и исчезал.

Вся котловина начинала «кипеть», и появилась надежда, с ее противоположного борта долететь до зоны устойчивых восходящих потоков, которые обычно начинались на высоте нескольких сотен метров.

Ему было ясно, что для того, чтобы долететь до этой «кипящей» полосы «термиков», нужно подняться на самую верхнюю очередь канатной дороги, где еще оставались весенние языки снега.

Он уже мысленно проложил маршрут вплоть до места, где лес резко обрывался, а перед ледниками лежала черная полоса скал, и поймал себя на мысли, что, сидя в кресле лифта, ему всегда доставляло удовольствие подниматься вверх, набирая ту энергию, которой можно распорядиться по своему желанию.

На каменистом выступе и осыпи, где можно было стартовать, никого не было. Было тихо, ветер почти отсутствовал, и его легкие порывы в неопределенном направлении лишь немного усложняли старт. Земля быстро уходила вниз, и высота относительно склона вырастала мгновенно.

Вместе с тем прибор показывал снижение. Пролетев больше половины длины и не встретив ни одного восходящего потока, его начали одолевать сомнения. Неужели

предчувствие обмануло? Хватит ли высоты, когда приблизится зона облачности?

До противоположного склона оставалось несколько сот метров, когда он буквально натолкнулся на стену теплого воздуха. Аппарат задрал нос, и его бросило вбок, как бы стараясь вытолкнуть обратно из потока, как чужеродное тело. Неожиданность пришлось компенсировать заметным усилием, — перенести весь свой вес в сторону потока и «ввалиться» в него, встав в крутую спираль.

Прибор показывал резкий подъем, он поднимался как на лифте, отдаваясь объятиям восходящего воздуха. За считанные секунды удалось набрать те недостающие сотни метров, где поток расширился, и можно было не беспокоиться, что потеряешь его, и плавными, широкими спиралями продолжать подниматься вверх к той кромке облаков, что была чуть выше верхушек гор.

Горы и долина вращались под ним в обратной спирали, и в этом круговороте он увидел орла, который «встал» в тот же поток и быстро нагонял его, приблизившись настолько, что можно было различить растопыренные когти и перья на кончиках крыльев, как бы застывших без движения. Он пропустил орла, и тот ушел еще выше.

Появилось время осмотреться и попытаться обнаружить своих друзей. Он увидел двоих и узнал их — они были гораздо ниже и боролись, чтобы выйти в устойчивую зону

подъема. Остальные, наверно, ушли вниз, так и не попав в ту заветную полосу, которая сулила подъем, сулила чувство обладания потоком, небом, всем тем миром гор, над которыми его пронесла волна теплого воздуха.

Он повернул в сторону долины и ощутил всю глубину бездны.

Долина казалась черной. Кое-где начали образовываться небольшие кучки облаков, но восходящие течения были слабые и быстро распадались. Он летел гораздо выше и уже хотел возвращаться к хребту, когда заметил облако удивительно правильной формы. Оно, казалось, ненамного превосходило поперечник его аппарата и было похоже на тот самый одуванчик, который утром вырастал на его глазах в кипящем тумане долины.

— Я бабочка, — подумал он, — и сейчас соберу нектар.

Золотистая обшивка купола с красной передней кромкой устремилась к небесному цветку, и он почувствовал смутную тревогу перед неизвестным. Никто из них еще не позволял себе так обращаться с облаками, но то, что появилось перед ним, казалось таким ровным и так тянуло к себе, что все сомнения исчезли. На мгновение он потерял способность ориентироваться, но не заметил никаких толчков, а спокойно плыл, как в молоке.

Его ресницы и губы покрылись инеем. Едва успев облизать иголки кристаллов, он начал быстро проваливаться и вывалился на свет с другого края облака, который оказался настолько резким, что аппарат чуть не перевернуло.

Справившись с аппаратом, он улыбнулся и был доволен тем, что свершилось. Произошло то, чего он ждал и желал. Он был переполнен небесным нектаром, который странным образом наполнил его существо так, что ему всерьез захотелось перевернуться. Ему не хотелось терять это неясное чувство, хотя оно немного пугало. Оно могло захватить и не выпустить, а нужно было продолжать полет, который

был задуман, доказать самому себе, что в силах остаться один на один со «своим» небом и в этом волшебстве оставаться «своим я!».

Над ближайшим хребтом облачность была низкая, и кромка облаков повторяла его очертания. Осторожно подлетев и двигаясь вдоль нее, можно было видеть сплошную пелену, которая висела над всем хребтом, оставляя лишь узкую щель между его острыми вершинами с ледниками.

Ему было жутко входить в эту щель и приходилось держаться вдоль кромки так, чтобы с одной стороны всегда было чистое небо, и чтобы всегда можно было уйти, если начнет затягивать и не станет хватать сил. Он понимал, что, попади аппарат внутрь гряды, с потоками ему не справиться, и будет трудно избежать полочки.

Так пробирался он довольно долго и не видел просветов, позволявших войти в неизведанное, пока не долетел до места, где хребет резко менял направление. Вдоль другой долины ему стали заметны слабые облака намного выше основной гряды. Они уже распались, но продолжали держаться, и постепенно удалось забраться так высоко, как ни он, ни его друзья еще никогда не забирались.

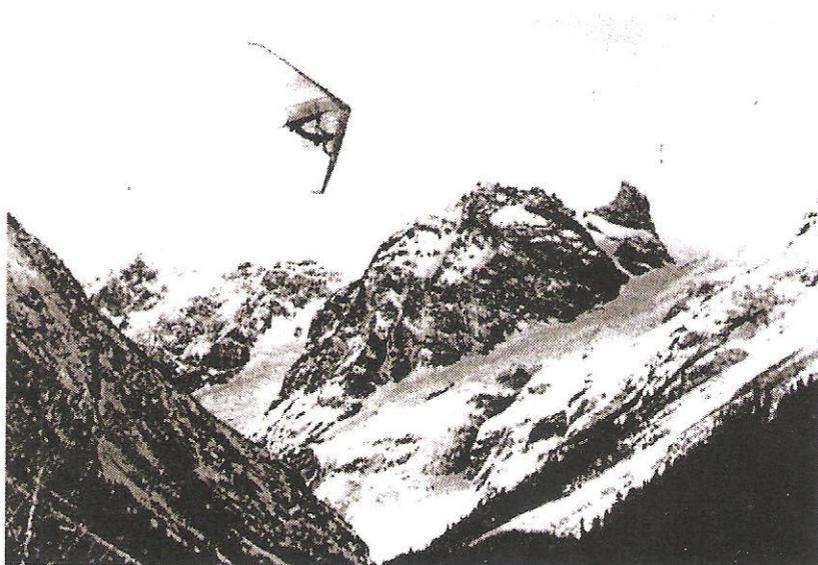
Он удивился, что несмотря на высоту, ему легко дышать. Подвесная система удобно поддерживала ноги, облекая плечи и грудь. Привычка к ней позволяла ему летать не уставая довольно долго. Все подчинялось его телу, движения которого он довел почти до автоматизма и уже давно не думал, почему делает то, что обеспечивало правильный, контролируемый полет. Все происходило как бы само собой. Малейшее движение, неуловимые наклоны, перемещение веса вводили аппарат в нужную спираль, обеспечивая необходимую скорость и направление.

Плавность движений и отсутствие напряжений переполняло его радостью полета, радостью осуществленного же-

лания и ощущением волшебной субстанции, в которой плавало его тело.

Немного мерзли губы. Ему полностью пришлось надвинуть забрало шлема и опустить лицо. Внизу расстилась горная страна, и стала видна граница, где рассеивалась нижняя гряда облаков, открывая очертания знакомых пиков.

Аппарат шел без снижения, и это позволяло плавно кружить над вершинами, внимательно всматриваясь в каждый кулуар, стараясь не пропустить ни одной детали того чуда, которое открылось перед его взором. За каждым изгибом он искал чего-то нового, неожиданного, и это влекло его все дальше и дальше. Иногда при таком неудержимом стремлении аппарат снижался настолько, что с трудом удавалось выбираться наверх, используя слабые восходящие течения.

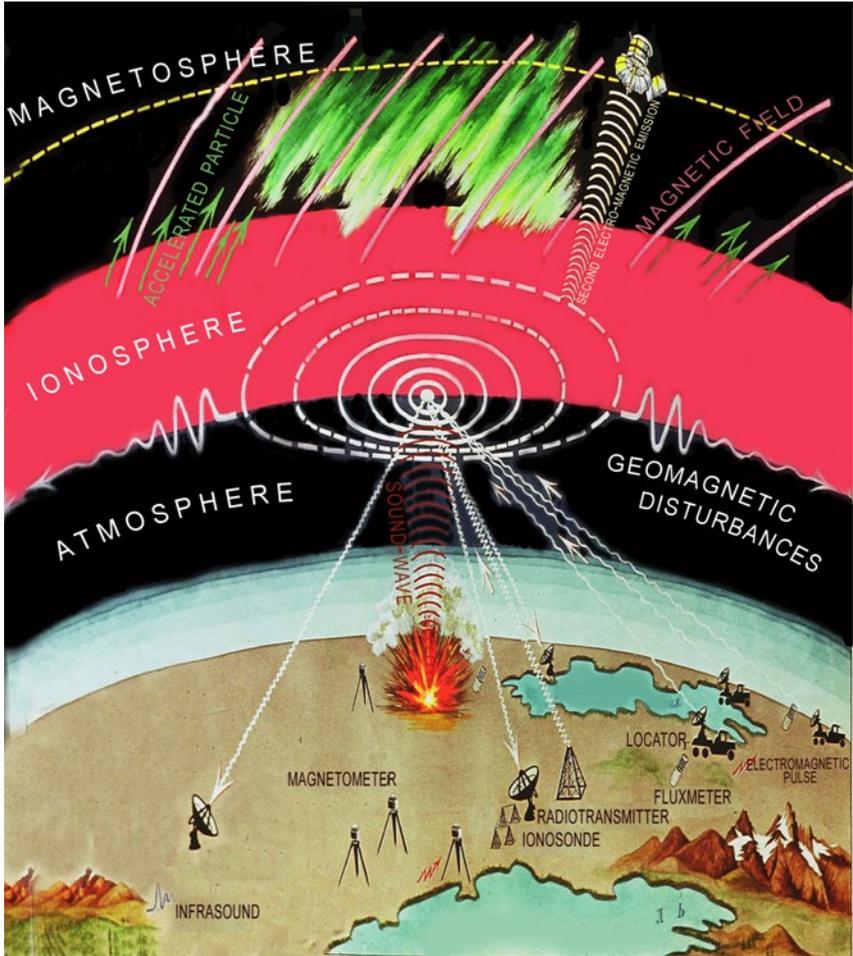

Вокруг была тишина неба, он плавал и купался в ней. С ним была его мечта, и ему не хотелось вообще возвращаться обратно. Внезапно появилось ощущение, что ему все равно, куда лететь, — неважно в какую сторону, лишь бы продолжалось это пьянящее чувство свободы, свободы движения во всех направлениях, мягкости связи с воздушными течениями, которые убаюкивали и несли к неизвестному.

Ему вдруг захотелось увидеть море, ему даже казалось, что иногда он видит его.

Яркая, высвеченная голубизна неба мешала смотреть в том направлении, и он ... погнался вслед уходящему солнцу...

B HAYKE

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

В ту далекую пору спутники летали без научной начинки — не было на них хоть сколько-нибудь стоящих приборов. Поэтому и был придуман Советско-Французский эксперимент в сопряженных точках Согра — Кергелен.

Пресса СССР и Франции писала об успехах сотрудничества нашей Академии наук и французского Института Телекоммуникаций. В общем, все было прекрасно. Шла середина шестидесятых.

Когда корреспонденты газет брали у меня интервью, я пытался им популярно объяснить:

— Вы ведь знаете, что Земля — магнит, и магнитные силовые линии выходят из Южного полушария и входят в Северный. Так вот, точки выхода и входа называются сопряженными.

— И что же дальше — спрашивают любопытные корреспонденты.

— А дальше, — отвечаю — если в этих точках измерять электромагнитное поле, то можно узнать, что делается в космосе и без спутников.

Вся беда, — говорю — в том, что весь Советский Союз «падает» по этим линиям в Индийский океан. Такое поистине катастрофическое несоответствие для нашей страны и устранил необитаемый остров между Антарктидой, Южной Африкой и Австралией. Французский это остров Кергелен. Из семейства «Тер — Острали — Антарктик» (Terre — Australie — Antarctique).

Сотрудники различных газет внимательно меня выслушивали и записывали.

— Итак, — продолжаю я им с удовольствием рассказывать; — если из этого самого острова Кергелен, который в Индийском океане, провести силовую линию магнитного

поля, то она уйдет далеко в космос и вернется в деревню Согра Архангельской области.

Деревню этой повезло. Туда приехали французы и разместили свое оборудование. Мы же сразу придумали новый закон, что градусы спиртного зависят от широты места, где вы его употребляете. К 60-и градусам северной широты приближалась география нашей деревни.

Французы с трудом выдерживали этот закон, а у нас была хорошая тренировка, да так, что, поехав с ответным визитом на необитаемый остров Кергелен в далеком Индийском океане, прихватил я с собой канистру спирта.

Это только уже попав на остров после десятидневного плавания с Мадагаскара на французском судне «Мессажер-Маритим» я понял, какой правильный поступок совершил.

Оказалось, что на острове полагалась одна бутылка виски в месяц на человека. Даже французам этого было мало, хотя сухого вина там было предостаточно. Все-таки условия суровые, и организм требовал чего-то крепкого.

Ну, а у меня была заветная канистра, и получилось так, что я стал королем русской водки, бар держал, как говорили французы «Шез-иль» или «Ше-Мишель.»

В общем, приходили ко мне довольно часто. Как сделают какой-нибудь эксперимент — так ко мне, как запустят ракету — так опять пить мою водку. Я уж постарался — настоял на лимонах, апельсинах, медовуху сделал, прямо скажем, весь джентльменский набор.

Благодаря этой канистре и быстро выучил французский язык, потому как половина французской экспедиции по-английски вообще не говорила. Самое интересное, Вы, дорогой читатель, никогда не догадаетесь, кто был на этом необитаемом острове моим главным учителем французского языка.

А был это католический священник из ордена «Иезуитов».

Оказывается им, иезуитам, по уставу показано заниматься наукой. Наш священник-то и попал на остров специально, чтобы изучать полярные сияния. И был он, ни много ни мало, заведующим лабораторией «Свечения ночного неба». Каково!

По-французски это звучало примерно так: «Шеф де ля лабораторуар де люминиситэ де сьель нюи».

Я тоже занимался изучением полярных сияний, и поскольку наши лаборатории стояли рядом, он каждый вечер приходил ко мне и пил мою водку. И мы с ним вели философские беседы. Он почти совсем не говорил по-английски, а я почти совсем не говорил по-французски. Но мы по-

чему-то очень хорошо понимали друг друга. Все-таки, как ни говори, водка это замечательный инструмент для взаимопонимания и на необитаемом острове тоже. Беседы наши всё больше наполнялись смыслом. Мы постигали новые слова и выражения. Я даже хорошо запомнил тот момент, когда начал понимать, что я начал понимать французский язык.

— До меня, Мишель, — как-то рассказывал мне мой зави, — священник у нас на острове в прошлую экспедицию был одновременно электромехаником. Как говорится, обслуживал весь остров электричеством, — «Шеф д'электриситэ».

— И вот, — продолжает он, — к нам на остров в тот год повадилась заходить ваша китобойная флотилия «Слава».

Они очень любили менять свою рыбу на наше вино. У них было много рыбы, а у нас много вина. И мы, конечно, устраивали такой «чейндж». Помнится в тот год экипаж, как обычно, сошел на берег, и мы устроили им большую «party», — «сабантуй», — как они это называли.

А когда ваши моряки перепились и когда они узнали, что священник наш работает одновременно электромехаником, они почему-то страшно возмутились и закричали:

— А почему же у нас замполит освобожденный!

Я тогда начал потихоньку сползать со стула, и сквозь слезы смеха и паров водки до меня стало доходить, что раз я на французском языке понял такую тонкость, то, похоже, начал понимать французский язык.

Помню еще, что в ответ я ему рассказал один из своих любимых анекдотов, как умный кот выманивал из норки

СССР-Франция: СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ

В рамках советско-французского сотрудничества в области исследования космического пространства в марте — начале апреля на острове Кергелен в Индийском океане, а также в одном из пунктов Архангельской области состоялись двусторонние научные эксперименты.

Ученые произвели несколько одновременных подъемов стратостатов на высоты порядка 35 километров и более. Проведенные эксперименты помогут ученым выяснить характер рент-

геновского излучения полярных сияний в магнитосопреженных точках Земли.

Также совместные и одновременные наблюдения на стратостатах в магнитосопреженных точках проводятся в мировой практике впервые. Они входят в программу Международного года активного Солнца (1968—1970 годы), целью которого является изучение связи солнечных и земных явлений в период максимума солнечной активности.

Израиль, 1968 г. (ТАСС)

мышку. Он взял и залаял. А когда мышка выглянула посмотреть, что же случилось с котом, и когда он ее поймал, то подумал: — Как же это удобно знать иностранные языки. Когда же через полгода экспедиция закончилась, зашел ко мне в «бар» научный руководитель нашей программы, и мы хорошо отметили успешное завершение, да так, что он на виду у всего высокого начальства, приехавшего нас вывозить с острова, упал с корабельных мостков в океан.

Осудило его тогда французское начальство, а я им все пытался объяснить:

— Зря вы его осуждаете, это он, как в России говорят, просто вывеску повесил.

— Как же это понимать? — спрашивают.

— Очень просто — отвечаю, — вывеска эта, как у нас на пивных ларьках: — «РАБОТУ ЗАКОНЧИЛА — ПИВА БОЛЬШЕ НЕТ».

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАБАСТОВКА

Забавные ребята, вообще то, оказались французские учёные, с которыми мне пришлось работать полгода на необитаемом острове Кергелен в далёком Индийском океане по программе Советско-Французского эксперимента в сопряжённых точках «Согра-Кергелен».

Как только мы высадились на остров и разложили на берегу свое оборудование, они ничего лучше не придумали, как объявить забастовку.

— Вы — что! Все с ума посходили! — попробовал я их урезонить, — для чего мы сюда десять дней плыли с Мадагаскара на судне «Мессажер — Маритим» и страдали морской болезнью!?

— Нет, — говорят, — бастовать мы будем, поскольку нам платят меньше, чем парням из компании «Зюд — Авиа-сьон». Упрямые оказались французы.

— Ну, так вы посмотрите, — увещевал я, — они же в белых халатах с паяльниками в карманах на прищепках, и ракеты призваны запустать, а вы кто? Такие же, как и я, — простые ученые.

— Нет, — повторяют, — мы не простые, и равноправие должно быть на необитаемом острове.

В общем, уперлись и все, — рвутся в забастовку. И тут, я им сделал чисто советское предложение, которым горжусь до сих пор:

— Раз уж мне — советскому ученому приходится участвовать в вашей забастовке, то она становится по статусу международной. А раз так, у нас принято отмечать такие события. Поэтому, в ознаменование первой Советско-Французской забастовки, давайте пойдём в турпоход по острову.

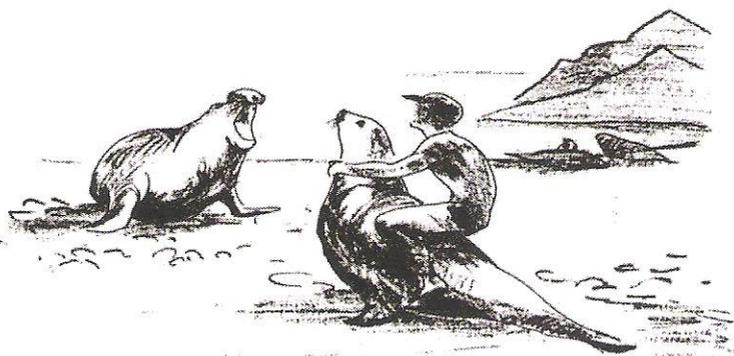
— Как это? — спрашивают.

— А так, — отвечаю, — на кухню, продукты сухим пайком в рюкзаки, и марш-бросок по необитаемому острову в честь международной забастовки.

Понравилась эта идея моим коллегам. Побежали за продуктами, набрали всякой французской вкуснятины, и паштетов, и лягушечьих лапок, и вина.

И отправились мы вдоль берега в «сторону восточную». Встретили три типа пингвинов: маленькие такие «гарфу» с желтыми хохолками, средние простенькие «папу», и огромные королевские «руа» с оранжевыми грудками. Приляжешь на пляже, так они обступают тебя и щупают клювами — интересуются. И вид у них при этом уж очень респектабельный. Правда вся их респектабельность теряется, когда резко пошевелишься, — падают они тогда на брюшко и разбегаются, проворно перебирая крыльями и лапами.

А потом, везде вдоль берега лежали морские слоны. К самцам и подойти-то было страшно — хоботы, пасти и клыки огромные, и дерутся все время между собой из-за самок. Самочки-то спокойные — просто большие тюлени, греются на скудном полярном солнце.

И вот, что придумали французы, — кататься на них вздумали, устроили соревнования, кто раньше доскачет по пляжу до океана.

Подкрадывается к морской слонихе эдакий бравый французик, вскакивает ей на спину, а она конечно же старается его укусить.

Поворачивает голову, а шея толстая — достать француза не может. Вот и пускается вскачь по пляжу с французским седоком к океану, чтобы там сбросить его в воду и в океане с ним расправиться. У самой бровки воды соскакивать надо было в этих соревнованиях.

Я один раз тоже было попробовал, но сразу отказался и вот почему. Глаза у слонихи большие, карие, красивые и, когда она тебя везет, то от страха у нее слезы на песок так и капаят. Издевательство над животными, да и только. В общем, остался я при этом только сторонним наблюдателем.

Но самое-то главное, что случилось в этом необычном турпоходе, — нашли мы заброшенное стойбище норвежских китобоев — землянку с запасом продовольствия и вина.

Французы сразу забеспокоились, — есть такое правило, что надо заменять на таких стоянках продукты на новые. Это они так нацелились на бочонок вина. Вино-то пролежало там не один год, а может и десяток лет, выдержанное, старое вино должно было быть.

Короче говоря, выпили мы весь этот бочонок отменного вина и заснули мертвецким сном. Вино оказалось коварное, — проспали мы полтора суток. Нас в это время уже и в лагере экспедиции хватились, беспокоиться начали, что с нами могло приключиться.

А когда мы вернулись живые и невредимые, на радостях, экспедиционное начальство удовлетворило всем забастовочным требованиям моих коллег.

— Мишель! — это они меня так звали, — мы теперь твои должники, не уведи ты нас в этот поход — уговорило бы нас начальство. Так, что все остальное время проблем у меня с «виски» не было.

SABBATIC YEAR И ТАКАЯМА

Получаю я как-то письмо из Японии от некоего доктора Фуджинавы, где он утверждал, что давно следит за моими статьями и приглашает на «sabbatic year» к себе поработать по проблеме прогноза землетрясений.

Мне пришлось тогда отказаться, поскольку уже работал с американцами по проблеме контроля за не проведением ядерных испытаний. Вместо себя я решил рекомендовать своего коллегу Виталия Моргунова, с которым мы не раз побывали в Японии и опубликовали в престижном американском журнале JGR пионерскую работу по электромагнитному излучению, предвещающего за часы землетрясение.

Виталий поразил меня как-то очень метким высказыванием простого советского учёного, пребывающего за границей. Его, как и многих в то время, интересовала покупка недорогого, но приличного качества радиоэлектронного бытового оборудования, отсутствующего тогда в СССР или стоящего баснословных денег, сравнимых с месячной зарплатой.

Обычно, японцы после работы приглашали нас в кафе, — знали, что у нас мало командировочных денег. А тут как-то, наверное, забыли. Вот я и предложил Виталию самим пойти в ресторан пообедать.

И вот, что он мне ответил:

— Я не могу пойти с Вами отобедать в ресторане, — это всё равно, что съесть магнитофон!

А в то время Виталий с радостью согласился поехать вместо меня на год в Японию, где его ждала довольно высокая зарплата.

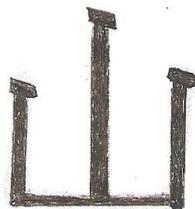
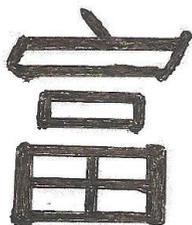
Договариваться с Фуджинавой о его поездке мне пришлось по телефону из Соединённых Штатов в Колорадском университете, где я работал с моим другом — профес-

сором Чарльзом Арчамбо — советником Госдепартамента по контролю за ядерными испытаниями.

Арч, как мы его все звали, чуть не свалился от смеха со стула, когда услышал начало моего разговора с Фуджинавой. То ли спросонья, то ли просто из-за сдвига по времени, Фуджинава долго не мог понять, кто к нему звонит. После того, как ему безрезультатно было повторено, что звонит профессор Гохберг, я не преминул перевести свою фамилию на японский язык!

— Профессор Такаяма звонит Вам, — выпалил я с обидой в голосе.

Это японец один меня научил и показал, как пишется двумя иероглифами: Такаяма — Высокая Гора — красивая фамилия, объяснил он мне.

ПРОСТО — ТАКАЯМА

Впервые пришлось услышать от японца, который перевёл мою фамилию Gokhberg на японский — Такаяма-Высокая Гора, что моя фамилия обладает красотой.

После войны одни неприятности от неё были, все немцем звали, что было особенно обидно после войны с Германией.

Правда, один раз она сыграла положительную роль, когда один советский немец по фамилии Мецгер — начальник экспедиции в Забайкалье, спас меня от выговора за нарушение техники безопасности.

Работал я в этой экспедиции прорабом после распределения из Московского Геологоразведочного Института и находился в геофизическом отряде, начальник которого — молодой парень не в меру ревностно относился к моим знаниям и не очень-то привечал меня.

И вот у него выдался шанс разобраться со мной, и он его, конечно, не упустил.

После нудной полевой работы с простеньким прибором — потенциометром мне бывало довольно скучно, и вот что я придумал.

Тогда, в 60-м, водные лыжи только входили в моду, вот и решил я прокатиться за грузовиком вдоль берега колхозного озера, — не нашелся для меня в Сибири подходящий катер.

Трудно было в России в то время развивать новый вид спорта. Вот и пришлось стоять по щиколотку в воде, держа на весу ногу, «обутую» в загнутую на конце доску, а в руках трос от грузовика, и ждать, пока дёрнет! Пулей несёшься по озёрной глади, объезжая прибрежные камни да испуганных гусей, разлетающихся в разные стороны.

С хорошими катерами, пригодными для водных лыж в России, сколько я помню, были тогда проблемы. Поэтому спортивные клубы Военно-Морского Флота и приютили

нас. Потому и фигуры на лыжах в бассейне стали выделять. «Ни в сказке сказать, — ни пером описать», — хоть и по бедности, а только благодаря русской смекалке на нашей планете появился новый вид соревнований — по фигурному катанию... за лебёдкой в бассейне, и русские стали в конце концов Чемпионами Мира!

А тем временем, события в забайкальском отряде разворачивались следующим образом. Начальником отряда, и звали его Ваней, готовилось общее собрание, на котором мне планировалось объявить выговор за моё катание по озеру.

Всё было готово, я был вызван «на ковёр», как вдруг подъезжает машина с начальником экспедиции, которого я ни разу не видел.

— Я хотел бы присутствовать на вашем собрании, — сказал и сел в уголке. А как услышал, что со мной собрались совершить, тихо так молвил:

— Вы мне выполнение плана как следует дайте! А если вам что-то новое показывают, хоть в спорте, хоть в науке, то учитесь, а отвечать, если он что-нибудь повредит, придётся только мне.

Начальник уехал, а на бедного Ванечку жалко было смотреть. Позже я узнал, что по отзывам главного геофизика был на хорошем счету, потому как выдавал лучшие по качеству данные. А может и моя фамилия с немецким оттенком сыграла положительную роль.

На следующий день Ваня заглянул ко мне в палатку и спросил, что мне вообще надобно, и чем он может помочь.

— Видишь вон тот табун лошадей? — только и спросил я, — Договорись пожалуйста с табунщиком, чтобы каждый вечер у моей палатки стояла осёдланная лошадка.

Какая же прекрасная жизнь началась. Скакал я по забайкальским зелёным холмам, а однажды въехал на высокую, но очень высокую гору, — «Высокая Гора — Такаяма»

был на высокой горе, передо мной открывался великолепный вид на Забайкалье.

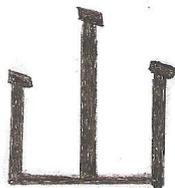
ЖОНГЛИРОВАНИЕ ТАКАЯМОЙ

Перевод моей фамилии на японский язык всегда вызывал улыбку. Такаяма! И каждый обязательно добавлял: — То канава, тока яма!

Я же добавлял, — извольте Такаяма — Сан, что означало какую-то привилегию. Поэтому различные приколы не заставили себя долго ждать, и вот один из них.

Вернувшись из Японии, как-то позвонил я своей сотруднице Наташе Клеймёновой. К телефону муж подошёл. Тут я возьми и скажи ему на какой-то смеси английского и японского, что Такаяма-Сан интересуется Наташей. Очень трогательно и с большим вниманием относились в Наташиной семье к международным связям.

Миша, её муж, не узнал меня, аккуратно так записал всё. Я же забыл про эту шутку. Через полгода приходят ко мне в гости Наташа с Мишей, — принимал я какого-то японца. Тут же за столом он смеясь начал упражняться с моей фамилией, записывая её японскими иероглифами. Смотрю, Миша меняется в лице, — думал прийдёт меня за этим обедом. Ведь они полгода безуспешно разыскивали по всей Японии профессора Такаяму!

ВЫЕЗДНЫЕ

Во времена «застоя» все советское общество делилось на «выездных» и «не выездных», причем последних было гораздо больше, а в первые старался попасть каждый.

Мы тоже старались не отстать. Наша Валерия Троицкая, будучи руководителем отдела, творила чудеса, производя нас «выездными».

Творения ее для некоторых в институте и красной тряпкой не назвал бы, столь велик был соблазн ограничить Валерию. Чего стоило институтское партийное собрание, когда начали обсуждать количество ее вояжей. Собрания такого сорта проходили с повышенным публичным интересом, а в заключение, как полагалось, выступил и представитель райкома:

— Надо, — говорит, — всем давать возможность выезжать за границу.

— Мы смотрим на поездки как на премию.

Долго что-то выговаривал в подобном роде, только точку в «обсуждении» поставил сотрудник Президиума Академии. На него и взоры обратились, — все ждали реакции руководства на заключительное выступление. Не стал он останавливаться на «премиальной» позиции, — имел, на наше счастье, свое независимое суждение.

— Сколько, — выступил, — надо нашей науке, столько и будет ездить профессор Троицкая в служебные научные командировки.

Сказал и сел. Тут, как говорится, и румянец спал, представителя райкома как смыло, — ушел с собрания, не прощавшись.

Мы же в отделе, чтобы такого не повторялось, придумали без малого проложить целый профиль электромагнитных наблюдений на Запад.

Начинаясь в Новосибирске, проходя через Свердловск и Ярославскую область, у Калининграда он прямым выхо-

дил в Германию. Поселок Линдау, недалеко от Геттингена, оказался последним пунктом. Профиль был заложен в полном соответствии с двусторонним соглашением АН СССР и Немецким Исследовательским Обществом (Deutsche Forschung Gemeinschaft) для изучения распространения дрейфовых электромагнитных волн поперек магнитного поля Земли.

Тут-то и начались мои германские приключения. Не говоря о несанкционированном перелёте на дельтаплане немецко-австрийской государственной границы, о котором уже упоминалось, «вожжа под мантию» попала мне не на шутку. А то, как же истолковать, что я откликнулся на приглашение одного профессора из Западного Берлина и ука-тил туда без согласования с консульством.

Это же было другое государство, — так, по крайней мере, говорила вся советская политика. А с моей стороны это было явное упущение, провал какой-то в моём политическом образовании. То ли по какой научной рассеянности газет не читал, то ли райкомовская комиссия проглядела. Примелькался, вот меня и не тревожили, — проходил автоматом. В результате оказался в Западном Берлине без согласования. Да мало того, в Восточный Берлин вздумал проникнуть через Берлинскую стену!

Был со мной индус Кавел, так тот боялся не услышать номер, который нам выдали при переходе стены, — с немецким у него было совсем худо. Так он по моему наущению ходил взад-вперёд на контрольно-пропускном пункте, повторяя: «Фунф хундерт фунф», чтобы ответить на переключке.

Меня, правда, пограничник спросил удивлённо «WARUM? (почему?)», увидев синий служебный паспорт. Не долго думая, я ему ответил: «Darum (потому)», и отправился пить пиво на Александр-плац.

Три лишних страны без согласования во время одного выезда в служебную командировку, — это было слишком, и год после того я не выезжал.

Окончательно «не выездным» я не стал, — спасла Валерия, да чувство юмора некоторых чиновников Академии после слов при приземлении на немецкой границе: «Русский я — из Москвы».

Когда один из них — Евгений Дмитриевич Табакеев, который в дальнейшем стал моим лучшим другом, увидел мой отчёт о пребывании в Западном Берлине, а это было грубейшим нарушением наших политических взглядов, у него волосы встали дыбом.

— Профессор! Вы — что! — С ума сошли! Вырвите эти страницы, чтобы никто их никогда не видел, — только и произнёс он. А ведь мог на мне тогда сделать карьеру! Через некоторое время встречается он меня в коридоре Президиума АН СССР, подходит и говорит: — Профессор! Научите меня пожалуйста летать...

Женя, хоть и старше меня, а до сих пор летает. Все пилоты его трогательно зовут: «Дядя Женя».

«ВЫЕЗДНОЙ НАУМЧИК»

По примеру замечательной Валерии Троицкой я тоже помог стать «выездным» моему талантливому сотруднику — теоретику. Он приехал ко мне из солнечной Молдавии, предварительно отправив своих родителей в Израиль, поскольку они опасались еврейских погромов. Как кристально честный человек он заявил, что собирается в дальнейшем эмигрировать. Я ему ответил, что этого не слышал, и мы начали плодотворно работать, выпуская статьи отличного качества. А пока, он женился на красавице с двумя детьми, и они завели ещё одного. Простому научному сотруднику прокормить такую семью стало нелегко, и я стал брать его с собой работать за рубежом.

Провести через райком партии Наума Израиловича Гершензона была не простая, а скажем, ювелирная работа, и мы с ним отправились во Всемирную Лабораторию в Италии, членом которой я уже состоял. Симпозиум проходил на Сицилии в городе Эричи, туда мы должны были долететь из Рима, а итальянскому чиновнику почему-то не понравились наши паспорта, и мы пропустили свой рейс на Сицилию. Как уж не старался я уговаривать его и по-английски, и по-французски, и даже по-немецки, ничего не помогало, и что самое обидное, — это мы безнадежно опаздывали на шикарный банкет открытия. В полном унынии я с досадой ему выпалил:

— Вот Вы нас задерживаете, а там нас профессор Зикики ждёт!

Как же изменилось у него лицо.

— Что же Вы раньше не сказали, что Вас ждёт Зикики, — я Вас отправлю ближайшим рейсом. Вероятно Зикики имел какую-то несколько мафиозную структуру, был другом Президента Андриоти, и, возможно, «отмывал» какие-то деньги через эту лабораторию, которая вскоре прекратила своё существование.

Всё же на банкет мы опоздали, но нас запустили в зал, где осталась половина огромной рыбы Меч и бочонки с вином Марсала. Мы с трудом добрались до отеля, а наутро Наум всё же бегал вокруг этого маленького городка, обнесённого стеной, внутри которой мы могли бесплатно питаться в любом ресторане, — не такое уж плохое время было тогда для наших учёных.

Появляется как-то расстроенный Наум. Его отцу в Израиле надо делать операцию, которая стоит больших денег.

— Поехали в Штаты, — говорю я ему, — может что-то и сэкономим. У меня тогда был зелёный свет на работу в Америке, и брал я с собой — кого хотел, за всё платила Геологическая Служба США.

А получилось так, что в каждом городе, где мы бывали, у Наума были родственники или знакомые, у которых можно было остановиться, так что гостиничные деньги были сэкономлены, и своего молдавского батьку Науму удалось спасти.

Я же решил сделать с Наумом эксперимент. Не хотелось отпускать его в Америку.

— Ты, — говорю ему, — мне больше всех нужен. Катайся, куда хочешь, да возвращайся к дому родному. А там, в Штатах, никому ты не понадобишься, потому как специалист узкий и не по их разумению.

Провёз его по своему «Золотому Кольцу», по всем университетам, а после докладов предлагал Наума на работу. Всем он нравился, но денег, чтобы принять, говорили, не предвидится.

Понял он, что даже с моей рекомендацией на работу по призванию в Штатах устроиться трудно. Несколько лет еще славно поработали вместе.

Только пересилили, в конце концов, в его семье женщины, получили они от еврейской общины, как мечтали, двухэтажную квартиру, детям бесплатную школу и питание. А

Наум два года был безработным. Развозил по-тихому пиццу в негритянских кварталах, чтобы не потерять дотацию еврейской общины, которая давалась только безработным, и просился ко мне обратно.

Одно славно, — научился водить машину, а то ни в Колорадо, ни в Вайоминге никак не садился со мной за руль. Объяснял, что приучен только к танку в армии.

В дальнейшем потратил некоторое время и выучился на программиста, стал востребованным, построил дом, вызвал из Израиля своих родителей, а с наукой пришлось расстаться.

Как-то в Калифорнии у меня намечался большой проект, и я предложил ему по старой памяти поработать со мной в этом проекте, который по некоторым причинам так и не состоялся. И вот, что он мне тогда ответил:

— У Вас на меня денег не хватит, — я с Вами с удовольствием поработаю... даром.

ВИСКИ НАУКЕ

В начале 80-х пригласил меня к себе работать директор Полярного Геофизического Института в Токио профессор Нагата. Он уже тогда был знаменитым японцем, и все звали его «Императором» японской геофизики.

Профессор же любил пить виски, и тут же сделал меня своим напарником. Он стал даже гордиться мной и восклицал:

— Это мой друг — советский профессор, который пьёт виски без содовой с одним «м-ааа-леньким» кусочком льда.

Как-то после его недельной поездки в Штаты, я встретил его в коридоре, и на чистейшем японском попросил его о совместном возлиянии вместе с популярной закуской якитори. Звучало это примерно так: “Дозо, Нагата-сан! Ещё ни нуми тай виски таксан тооо... якитори де”.

На него это произвело, на удивление, сильное впечатление, он даже немного зашатался и схватился за стену. “Кто тебя научил! Сейчас же пойдём пить!” — бросил всё, и мы с ним прилично нагрузились. Вернувшись в институт, он полез в карман, достал ключик и передал мне, чтобы я сидел теперь в кабинете VIP, где были два холодильника с выпивкой и закуской. По принятому правилу сотрудники начали приходить ко мне знакомиться. Каждый день мы уничтожали всё содержимое, но на следующее утро, как скатерть-самобранка, всё восстанавливалось!

Так мы познакомились с моим будущим соавтором — директором радио-обсерватории Сугадайра Такео Йошино. Он занимался регистрацией радио-шумов. Я же как-то сказал ему:

— Такео! Вы же сидите задницей на землетрясениях! Я укажу тебе землетрясения, которые были вокруг твоей обсерватории, а ты принесёшь записи за эти дни, может быть, мы там найдём что-нибудь интересное.

Ему это понравилось, но на следующий день приходит и в глаза мне не смотрит, — отворачивается! Я ему говорю: — В чём дело, Такео! — всё равно отворачивается.

Смотрю, ему совсем стыдно стало, а я его, как бы, подталкиваю, — не стесняйся, мол, говори! И тут его прорвало:

— Профессор! Я перед Вами очень виноват!

Я ему в шутку воскликнул, — только без «харакири» — объяснись!

— Вы понимаете! Я же, по своей жадности, все записи, где ничего для себя интересного не обнаружил, уничтожил, и те же магнитные плёнки поставил на перезапись. И у меня для Вас ничего нет, но теперь без Вашего разрешения я ни одну запись не сотру!

Мы славно поработали, получили великолепный результат и опубликовали в самом престижном американском журнале статью, на которую до сих пор приходит большое количество ссылок, и даже была организована международная ассоциация по этой проблеме, которая существует и поныне.

Такео опубликовал список своих работ по этому вопросу, когда его провожали на пенсию, и в нашу с ним честь японцами был организован международный симпозиум, поскольку проблема прогноза землетрясений всегда была особенно важна для Японии.

Список же выглядел так: на первом месте была наша статья — Гохберг, Йошино, а потом Йошино, Йошино, Йошино... — и так почти две страницы! Когда я на симпозиуме выступал с заключительным словом, то рассказал нашу историю и гордо произнёс:

— Вот как виски могут помочь науке!

КАЗУС ВЗРЫВА

В первое же лето моего пребывания в Институте Физики Земли был я отослан на Чукотку измерять электромагнитный импульс от американского ядерного взрыва в космосе «Аргус», который вдоль магнитного поля Земли мог достигнуть её поверхности. Как я ни старался, ничего у меня не получилось, — сгорели все наши гальванометры — столь сильный был сигнал от этого «космического американца».

С тех пор и проявился мой интерес к разным взрывам да так, что по моей просьбе военные «бухнули» под Алма-Атой целый железнодорожный состав взрывчатки. Аккуратно так на поверхности было всё разложено, — уничтожать старое всё равно полагалось.

Взрыв был, как говорится, в воздух, и, чтобы к тому времени близко подлетел на высоте 1000 км советско-французский спутник под названием «Ореол-3». Эксперименты по искусственному воздействию на окружающую Землю космическую среду были тогда в моде, вот я и надумал померить эхо взрыва в космосе.

Скажем прямо, было всё это достаточно авантюрным, и приключения на свою голову мы, конечно, поимели. Но, как ни странно, двадцать институтов и разных организаций на бескрайних просторах нашей страны откликнулись на мой призыв, разместили свою аппаратуру и стали ждать, — что же будет.

Опережая события, надо сказать, что ожидания оправдались, и все получили результаты, описание которых еле уместилось в полный сборник журнала «Физика Земли».

Ювелирной, по тем временам, была эта работа. Изо дня в день в Институте Космических Исследований АН СССР профессором Юрием Гальпериным пересчитывались орбиты спутника и передавались мне, а я держал связь с Алма-

Атой, где сотрудник Спецсектора нашего института Женя Иванов держал руку на кнопке взрыва.

И вот, когда спутник находился над Индийским океаном и должен был через 5 минут подлететь к определённом месту над взрывом, Женя нажал кнопку! 5 минут — так немного, — это только в песне, а у нас это время было отпущено волне взрыва, чтобы она успела докатиться до высоты в 100 км, где бы превратилась в электромагнитную и уж точно бы не пропустила пролетающий спутник. Вот эту-то волну и зарегистрировали приборы спутника, поскольку рассчитано было всё правильно и, как уже говорилось, с ювелирной точностью. Казус же на нашу беду не заставил себя долго ждать. Поскольку всё действие произошло рано утром, маленькая часть волны отразилась на высоте в пару километров, — воздух был там чуть-чуть иной. Однако, этой частички хватило, чтобы она большими скачками понеслась по поверхности. В первый — «потревожила» стадо овец, во второй — разбила стёкла в станции слежения «Орбита» перед Алма-Атой. На наше счастье Алма-Ату она перепрыгнула, но напрямик угодила в танковую часть! Говорят, танкисты попрыгали в танки!

В общем, шуму было предостаточно, и мои коллеги, которые организовывали всю эту шумиху, взывали о помощи, спасаясь от чёрных «Волг» с соответствующими службами.

Мне ничего не оставалось делать, как позвонить Президенту Академии Наук академику Анатолию Петровичу Александрову, который к счастью меня знал и даже с одобрением относился к моим научным «выходкам».

— Мишка, — хмыкнул он в трубку, — Академия Наук в обиду вас не даст.. В те времена Академия имела огромный вес, и Институту не выставили даже счёт за выбитые стёкла. Овечья же память была совсем не долгой, а танкисты, опять же только говорят, просто посмеялись, когда узнали, какую шутку Академия Наук с ними ... отшутила.

АП

Как же мне повезло, что мой отец был дружен с Анатолием Петровичем Александровым, и всё время работал с ним.

Ближайшее окружение звало Анатолия Петровича просто АП, так и в семье его величали. А поскольку наши дачи были рядом практически без забора, то АП любил заходить к отцу на рюмочку «Гохберговой» — лимонной настойки, которую отец делал мастерски. Однажды, на границе наших участков был установлен шуточный бюст АП, выполненный его ближайшим коллегой Юрием Семёновичем Лазуркиным, с которым они создали защиту кораблей от магнитных мин.

Я же тогда часто пересекал границу наших участков, общаясь с его детьми, и иногда рассказывая ему свои научные достижения, — первая моя статья в Доклады АН была рекомендована им.

И вот случилось так, что, когда его избрали Президентом АН СССР, он меня подозвал и произнёс:

— Мишка! Если ты услышишь выстрел и свежий холмик земли на моём участке, то знай, что я убил первого, кто появился у меня на даче по делу! Мгновенно усвоил я его

намёк, и зря Президента не беспокоил, хотя изредка уговор нарушать приходилось. Так ведь жив же остался!

13 февраля 1983 г. у АП был 80-летний юбилей, и я тогда, будучи И.О. директора ИФЗ, поехал в Президиум его поздравлять. А, по счастливой случайности, этим же утром у меня родился сын Боря. Сразу появилось оригинальное добавление к официальному поздравлению.

АП любил рассказывать, как он разыграл одного министра, у которого рождались только девочки.

— У меня работает дядя Ваня-стеклодув, так у него рождаются мальчики его собственным методом.

— Как это? — поинтересовался министр.

— А так: он во время этого дела надевает военную фуражку — выскакивают только мальчишки!

Ну, посмеялись и забыли. А спустя некоторое время в Кремле был банкет, на который министр опаздывал, поскольку его жена рожала, и АП поведал свой совет. Когда же раскрасневшийся министр появился в дверях, АП через все столы ему крикнул:

— Ну, как! Помогло!

И в ответ радостное:

— Помогло, помогло — мальчик!

Весь Кремль, конечно, грохнул.

Войдя в кабинет Президента, я передал ему все дары ИФЗ, а потом сообщил, что у меня есть собственное поздравление. АП даже как-то насторожился, знал, что можно ждать чего-то неожиданного.

— Анатолий Петрович, — начал я, — следуя Вашему совету, который уже стал классическим, я в течение года не снимаю фуражку. Результат налицо! Моя Катерина сегодня утром родила маленького Гохберга! Поэтому поговорка: “Заранее не придумашь” — лишний раз подтверждает, что сюрпризы надо готовить загодя. Снимаю фуражку, Ваш Миша.

И тут уж грохнул весь президентский кабинет. Велихов только и успел сказать: “Миша, ты молодец, а я уж только внуков делаю”.

Ещё некоторое время я ходил к АП в гости с колясочкой, в которой лежал мой Боря, а по бокам две бутылки водки!

ПРОРАБ СИБИРИ

Приключения по жизни начались у меня сразу же после окончания Московского Геолого-Разведочного Института. Всех студентов распределяли по разным организациям и экспедициям всего Советского Союза. Я же на кафедре геофизики был на хорошем счету, участвовал в научной работе, защитился досрочно и был награждён свободным дипломом.

Руководитель кафедры — профессор Лев Моисеевич Альпин рекомендовал меня на работу своему ученику — директору ВНИИГеофизика — Полшкову.

— Коль Вас рекомендует Альпин, то я, конечно, возьму, — заявил директор, — но наш институт относится к Министерству Геологии, поэтому мне неудобно брать Вас со свободным дипломом. Сходите в Министерство, возьмите там куда-нибудь распределение, и после этого я к нам устрою перевод.

По своей тогдашней наивности, куда-нибудь, это было далеко за Байкалом, куда я и «загремел», поскольку буквально на следующий день вышел приказ министра, запрещающий перевод молодых специалистов, и директор развёл руками.

Год проработал на производстве прорабом и загрустил без науки. Использовал всякую возможность, чтобы сбежать от такой работы. И, действительно, сбежал однажды, пробежав в простых теннисных тапочках на областных соревнованиях 200 метров за 22.8 секунды и побив тогдашний рекорд Читинской области. Смотрю, сейчас тренируемые женщины на Олимпийских играх показывают близкие результаты, — всё же работа прорабом прибавила мне здоровья.

Окрылённый таким спортивным успехом, я, как говорится, сделал «ход конём», который вырвал меня из «лап» этой производственной экспедиции, где по закону мне надо

было проработать, как молодому специалисту, минимум три года.

Серьёзные занятия горнолыжным спортом сыграли свою роль, когда я заявил об этом, приехав в Иркутск в Областной Комитет Спорта.

— Будешь работать тренером Иркутской Сборной, — спросили.

— Буду, — ответил я.

И тут натянулась цепочка звонков, которая могла натянуться только в тогдашнее советское время! Из Обкома Спорта в Обком Партии. Из Обкома Партии в нашу экспедицию...

— Такой-то у Вас работает прорабом?

— Да, — ответили, — работает.

— Так вот, мы его у Вас забираем на спортивные сборы. Вы будете продолжать платить ему зарплату, а он у нас на общественных началах будет тренером горнолыжной команды в Иркутской области.

Так я выиграл себе в Сибири новую жизнь. Матушка прислала мои шикарные австрийские лыжи. С командой мы объехали почти все горнолыжные места, а руководство экспедиции, сообразив, что всё равно меня теряет, отпустило на все четыре стороны.

Вот я и исправил свою наивную ошибку своим же, но уже не наивным способом. Можно ещё раз подтвердить, что Сибирь закаляет!

В ЛЮБВИ

ДОГАДЛИВЫЙ ТРЕНЕР

В настоящее время я в «большом спорте» не состою. Раньше — другое дело, как только время соревнований наступало, тренер мне выговаривал: — У тебя уши оттопырились, — это у нас был условный знак с ним.

Приезжала ко мне на сборы зеленоглазая нимфа, — только мне одному он разрешал такое, потому как было проверено на практике.

«Накачивал» он нас на сборах до предела, да и техника в воднолыжном слаломе была филигранной, так что не надо было применять нашу силу.

Реакция, острота и настроение, — вот что было нужно! Понял тогда это мой тренер, и эксперимент со мной решил сделать. Я и путь ему подсказал подходящий.

Никто понять не мог, как это такой сонный я выигрывал все соревнования.

Сейчас можно без ущерба выдать этот секрет, что у меня долгое время спорт с сексом соседствовали.

ЧЁРНАЯ АФРИКА

Случилось с нами такое, когда мы с моим коллегой Борей прибыли в Африку после полугодового аскетического пребывания на необитаем острове в Индийском океане во французской экспедиции.

Поэтому и состояние наше на одной лишь резонансной частоте работало, поэтому и винить нас было бы грешно, что мы ненароком нарушили злосчастную советскую инструкцию. Всем было известно, что в ней «чёрным по белому» было не рекомендовано во время зарубежных вояжей посещать соответствующие заведения.

Как это ни странно, но дело приняло совершенно случайный оборот, который, как оказалось, был нам только на руку.

Естественные поиски дешёвой гостиницы в Дар-эс-Саламе привели к тому, что мы, и не подозревая этого, поселились в публичном доме. Вот такое интересное совмещение было в этом городе в конце 60-х. Может и сейчас осталось.

Мы с Борей начали подозревать, куда попали, лишь тогда, когда после нашего успешного выступления и банкета в русской миссии какая-то чета нас любезно подбросила до нашей «гостиницы», а мы пригласили их у нас посидеть и что-нибудь выпить.

-А! Мне всё понятно! — заявила блистательная половина и укатила, муж её успел только что-то хмыкнуть нам на прощание.

Окончательно сообразили мы, куда забрались, когда вышли в холл пить пиво, — да было уже поздно. На колени к нам тут же прыгнули симпатичные негритяночки, которых мы «с пылу-жару» всё же прогнали. Первым дрогнул Боря и укатил на такси с одной из них в её жилище.

Остался я один в смутной растерянности. В дальнем углу с совершенно независимым видом в золотом платье сидела Чёрная Царица красоты необыкновенной. Надо сказать,

что в Дар-эс-Саламе очень много чёрных красивых женщин, но эта была на самом высоком уровне и выражала собой полную добродетель.

Я долго не решался, но в конце концов подошёл и попросил разрешения присесть. Она любезно согласилась и сразу попросила заказать ей пиво. Быстро выпив, она заказала ещё. И так повторилось несколько раз, что меня сильно удивило, но разговор всё же завязался, и я наивно спросил, чем она занимается и где работает. На первую часть вопроса ответа я не получил, а на вторую она ответила, что работает здесь.

Запоздалое прозрение произошло мгновенно, и я ей поведал, что у меня свободный номер, поскольку друг отлучился. В ответ она заявила, что в номерах с постояльцами им не положено, и надо ехать к ней домой. Так в этом бизнесе участвуют все — таксисты, гостиница, и даже за каждое заказанное пиво им приплачивают. Ехать куда-то, к «чёрту на рога» в чужой стране мне, почему-то, не захотелось, и это было единственно правильное решение. Позже Борис рассказал, что условия жуткие — теснота и беднота.

Я тут же попросил её согласовать с руководством отеля сей вопрос, — чтобы нам с ней остаться в моём номере, ведь я же у вас, говорю, далёкий и редкий гость.

Она исчезла, но через некоторое время вернулась. Взяла меня за руку и гордо повела через весь холл на второй этаж, и у нас всё случилось!

В дальнейшем я себя с улыбкой урезонивал всеу придуманном изречением: — «Голая белая женщина, — это часто порнография, а голая чёрная, — это всегда этнография».

Всё же у меня осталось неизгладимое впечатление, — что Чёрная Царица на белом фоне, — это очень красиво!

ЛЮБОВЬ ЛЬВОВ И ...

Возможность отклонения от курса, курса дорогого авиабилета Мадагаскар — Париж, — это было круто. Всего на 20% мы за счёт кампании наняли маленький самолёт и покружили над Килиманджаро. С Земли его почти никогда не видно, — шестикилометровый колосс всегда в облаках. А как приземлились в городе Аруша, наняли профессионального охотника с «лендрровером» и поехали по «Зелёным холмам Хемингуэя», — исполнили голубую мечту детства.

Когда же въехали в саванну и встретили львов, охотник знаком мне показывает, — бери, мол, камеру, — они сейчас будут заниматься любовью. Забыл я, что львов опасаясь, сделал вблизи уникальные по тогдашним временам кадры. Львица медленно идёт, легонько хвостом помахивает, а за ней лев тихонько лапой её за хвост трогает. Это у них знак такой, после чего с рычанием на всю саванну и действие начинается. В весенней траве и цветах пребывали львы и не обращали внимания, что рядом высокая масайка корову хворостиной погоняет. Не трогают львы коров и масаев, когда пребывают в любви и обилии пищи.

Так ещё и слон был, небольшой такой слоник без одного бивня стоял одиноко на поляне, пошевеливал ушами скучно. Только от мух он отмахивался тремя частями тела, — хвостом, хоботом и ещё чем-то. Дружно так всё изгибалось и по брюху мух щёлкало.

Моя 90-летняя бабушка, которая любила рассказывать, как она будучи «институткой» делала революцию, просматривая фильм, комментировала: — не предполагала я, что у слона может быть два хвоста!

Юра Сенкевич выпрашивал у меня эти кадры. Не дал их, боялся «не выездным» стать, да и передачу «Клуб кинопутешественников», кто знает, могли закрыть по тем временам после «львиных» и «слоновых» кадров.

ФРАНЦУЗСКИЙ СИМПОЗИУМ

Кабы французская сторона вздумала подать протест, определённо международный конфликт мог бы разрастись в начале 70-х. Это совсем негоже получалось руки ломать французам во время служебных командировок советских учёных!

Никто и поверить не смог, что такое могло бы приключиться со мной. Так вот же, и приключилось.

В таких случаях говорят, — ищите женщину!

Так ведь не одна, а две свернулись уютно у меня в ногах калачиком, слушая мои песенки с пиликаньем на гитаре в номере горного отеля. Переводчицами они были на советско-французском научном симпозиуме в Гренобле, — с этого-то всё и началось.

Моя руководительница — профессор Троицкая перепугалась тогда за меня и прошептала:

- Вы там с ними поосторожнее, — они, как и у нас, наверняка в секретных французских службах работают.

А французенок, понимающих русский, было уже не оторвать от моих песенок. События начали разворачиваться так, что наш физик-теоретик Якименко ворвался в номер как бешеный:

- Я, — кричит, — доклады понять не могу, а ты тут развлекаешься с переводчицами!

- Это пристыдил он меня так, прав ведь был Якименко, и увёл у меня одну, вторая уходит от меня наотрез отказалась. Так и менялись они в течение некоторого времени, но ревность присуща даже французским переводчицам. Кончилось дело тем, что одна из них пожаловалась своим французам, что мы подолгу с другой занимаем номер, жили они вместе в одном номере.

Французы обрадовались такой возможности наказать меня. Они же сами не против были поухаживать за симпатичными переводчицами, которых может быть больше при-

влекала практика русского языка по моим песенкам. Одним словом, помешал им русский учёный, и что они придумали.... Подсунули под дверь пожарный брандспойт и грозились затопить номер, если мы не откроем «апартаменты». Тут моя француженка и предложила покинуть её «шамбер» через балкон, что был на третьем этаже вдоль всего отеля. Пронеслись передо мной все анекдоты о ситуации такой глупейшей. Повис на руках, а прыгать страшно. Ноги в Гренобле — самое главное, для лыжных спусков необходимы. А что ещё важнее, так это мой друг Бернар Дэнис обещал прислать дельтаплан из Парижа. Весь симпозиум томился в ожидании, что демонстрацию полётов я им устрою. Не было тогда ещё этой моды в Гренобле.

Не входило в мои планы ноги ломать, повиснув самым глупейшим образом. Подняться обратно удалось как-то, а там уже французы дверь взламывают.

Чудо спасло, что на втором этаже парашют оказался, выходящий в одном месте, туда и прыгнуть пришлось. То была кухня при ресторане, через неё имелся и выход в бар на первом этаже.

Как же удивились французы, увидев меня сидящем спокойно в баре. В порядке ли я, спрашивают разочарованно так.

А на следующий вечер мы с одним из них словесную дуэль устроили. Звали его Убер. Так и напирал на меня, что без своих крыльев я выполнил обещание, — демонстрационный полёт устроил с третьего этажа горного отеля. Когда же началось веселье с танцами, постарался увести у меня переводчицу.

Возьми тут и заяви я ему сдуру, что получит он её, повторив мои вчерашние подвиги. Через её номер вышли на балкон, где я ему и поведал, что со мной произошло. Чувствую, не тянет его прыгать вниз. Страшно! Не хочет он делать этого.

— Не хочешь, — говорю, — и не надо. Никто не узнает об этом.

Взыграла тут кровь французская, махнул через перила и лежит бездыханный на кухонном парапете!

Во, как убил француза, влип в международную историю. За ним подался, на кухню втаскиваю, из кастрюли какой-то в лицо брызжу. Смотрю, очухался, обниматься лезет, стал теперь лучшим другом. С рук на руки сдал его французам.

На утро принялись пытаться меня, что я натворил с их Убером?

Рука у него оказалась сломана, пришёл в гипсе, сказал, что не помнит ничего, — стеснялся, видно, вчерашнего.

Не стал я выдавать его, так до конца симпозиума и сыграли с ним в молчанку, избежали международного конфликта.

Самое-то кошмарное, однако, после случилось, когда «гоголем» эдаким — победителем я оказался при моей переводчице. Так и окатила меня.

- Я, — говорит, — только что жениху в Париж письмо написала и не намерена обижать его больше.

Оборвала нашу интернациональную дружбу, как нитку тонкую, — это она так на Париж настраивалась!

Я же в шоке находился долгое время, и в Париже работал неохотно. Трудно мне было понять обычаи французские.

ВАЛЕРИЯ — С ЛЮБОВЬЮ

Случилось так, что в середине 60-х мой руководитель Валерия Троицкая, на одном из семинаров подозвав меня, тихо сказала:

— Не относитесь к этому серьезно, — Вам, может быть, придется поехать со мной в Париж.

Перед Валерией можно было преклоняться уже тогда. Это как же женщина может облагородить науку, назвав пульсации магнитного поля Земли «жемчужинами»! Весь мир повторил за ней: «Perles, perles,...perles», потому что ниткой жемчуга свисали эти пульсации прямо из осциллографа и рассказывали о жизни радиационных поясов нашей планеты.

А как вырвались мы на просторы Франции, стала Валерия самой глубоководной женщиной, — опустилась в батискафе Кусто на два километра в Средиземном море, изучила, как туда проникают ее жемчужины.

Сам де Голль одобрил то погружение, потому как с военной базы в Марселе отправлялся корабль.

Нам с еще одной нашей сотрудницей Наташей Клейменовой места в батискафе не было, — в компенсацию отправили в альпийскую астрономическую обсерваторию.

Вот такая была Валерия, а тогда только тихо и сказала, чтобы серьезно на Париж я не настраивался, — вдруг бы не получилось.

Как все-таки нужно было понимать в то время, что судьбы-то людей важнее всяких там экспериментов.

Стыдно ведь признаться, что в конце концов мы не удержали Валерию в институте. Сколько помню, у нас всегда велось, чем старше, тем почетнее, а тут вдруг засмотрелись на Запад, вздумали брать с него пример по омоложению кадров. Вот ей и было запрещено по регламенту руководить отделом. С этого, как бы, перестройка вступила в наш Институт первым шагом. Начались на Валерию незаслу-

женные наскоки, обиделась она, подходит ко мне и говорит:

— Вы же знаете, что мне нужно съездить в Австралию.

— Знаю, — отвечаю, — *pas de problemes, Madame*.

В то время наш друг — австралийский профессор Кисс Коул с большим энтузиазмом работал в отделе, каждый год заглядывал в Москву при случае. Как-то раз после работы пригласил его на «виндсерфинг». У него были нелады с позвончиком — никаким спортом не мог заниматься, а тут взял и встал.

— Ты, — кричит, — открыл мне новое увлечение.

Ну уж нет, Кисс, — это вы, австралийцы, подкинули нам серф. Рад, что возвратился к тебе через Москву бумерангом!

Вот Валерия и укатила к нему в Австралию. Уже срок командировки закончился, а ее все нет и нет.

Никак, что случилось с Валерией. Встречаю в Институте ее сына Петра:

— Петька, — спрашиваю, — где мама?

— В порядке мама, — отвечает и улыбается.

Раз улыбается, значит в порядке. Успокоился я. Проходит неделя-другая, нет известий. Начали меня дергать соответствующие службы.

— Куда подевал свою Валерию? — надавливают.

Все мы имели тогда отношение к работам с «секретами». Во, как сбежит с ними Валерия, а то еще хуже — попросит политического убежища, как это было модно в то время.

Только не так была воспитана Валерия. Уже когда я был обложен со всех сторон, получает Институт от Кисса официальное уведомление, что они решили пожениться!

Бомбой разорвалась эта телеграмма, а потом — тишина, никто не знает, что делать. Только что пытались проводить на пенсию, а она замуж вышла за австралийца. Я им с Киссом тут же отстукал телеграмму:

— Горячо поздравляю, очень беспокоился, что с Валерией что-нибудь произошло. Это лучшее, что я мог предположить.

Я был рад за Валерию безмерно. Мы так в то время с помощью миллионера Сороса решали проблемы заслуженных ученых в России.

Валерия же по-своему разрешила этот вопрос — С ЛЮБОВЬЮ.

ДВА РОЗЫГРЫША

Как-то, возвращаясь из командировки в Японию, я привёз в подарок своей знакомой из Киргизии кимоно — она в нём, ну, истинная японка.

И тут, ко мне в гости появляется Саша Городницкий, которого я предупредил, что из глухой японской провинции мной привезена симпатичная японочка, которая, кроме японского, никакими языками не владеет и будет приветствовать его лишь поклонами.

Моя киргизская подруга в кимоно замечательно, с большим усердием всё исполнила, и Саша, похоже, поверил:

— Мишка, ты что! С ума сошёл! Что ты с ней будешь дальше делать?!

— Ну, — отвечаю, — поживет у меня полгода, а потом отвезу обратно.

— Ну, ты и фрукт! Это же не какой-нибудь тебе зверёк! — возмутился он.

Обед был вкусный, “японочка” нам беззвучно прислуживала, обильно кланяясь, а Саша изредка всё же хмурился, переживая за страну восходящего солнца. Пришлось в конце концов выдать ему правду, и всё миром разрешилось.

Другой розыгрыш проходил в ЦДЛ после вечера памяти Эйдельмана, а потом и в клубе “Меридиан”. Сашу его жена Анна Наль быстро увела домой, а мы с Игорем Губерманом решили немного выпить. Уже “тёпленький”, я вдруг решил ему заявить:

— Игорь, ты знаешь, у меня ведь был роман с женой посла!

Глазки-угольки у Игоря загорелись:

— Французского?

— Игорь, я не могу тебе этого сказать, по отношению к послу сие было бы не комильфо, — поясняю.

— Вот Городницкий только песни пишет, а мы то с тобой... Давай позвоним ему, — требует Игорь.

Позвонили, вопрос тот же:

— Французского?! Ты что? Рехнулся?!

Ответ был также в стиле благовоспитанности и лояльности к послу. Через некоторое время у Саши был концерт в клубе “Меридиан”, и во время исполнения “Жены французского посла” Игорь вальсировал на сцене с прекрасной дамой. Я же находился в зале со своей давней знакомой Ниной Акимовой, дочерью знаменитого режиссера и вдовой исландского посла. Она, даже теперь, когда знакомит меня со своими друзьями, торжественно восклицает: “Это мой бывший любовник!” У нас, действительно, в юности был недолгий роман, я способствовал ее браку с молодым дипломатом Юрием Решетовым, который в дальнейшем

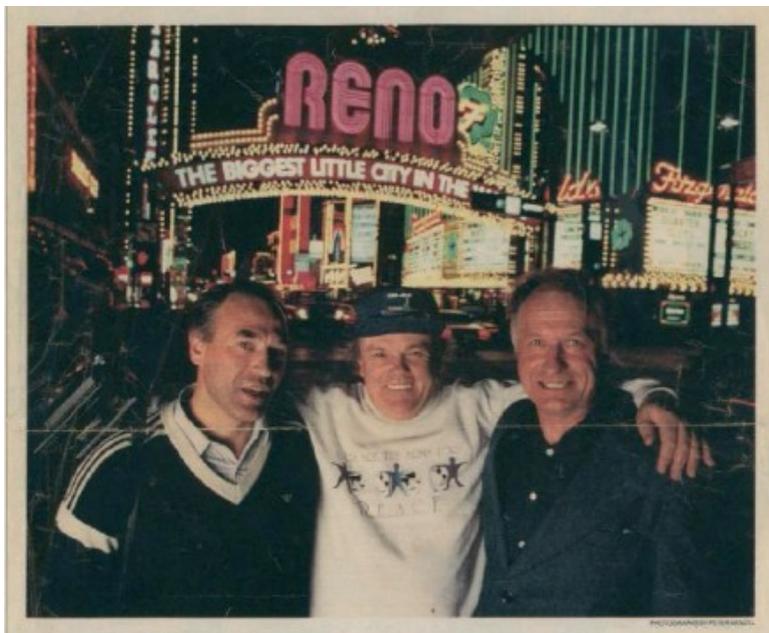
стал послом в Исландии, принимал Горбачёва и Рейгана и внезапно умер, находясь уже по службе в Австрии.

После концерта в “тримёрной” мы немного выпили, и Нина была представлена, как бывшая “жена исландского посла”.

Выяснилось, что Решетов, будучи правозащитником и в то время влиятельным человеком, помог Губерману выехать в Израиль, а с Городницким у Нины обнаружились общие родственники. Вот так-то мир тесен, и так закончился этот розыгрыш.

Может быть, придёт в голову и третий...

В ПОЛИТИКЕ И РАЗНОМ

ЯДЕРНАЯ БОМБА И КОРОЛЬ ЛЮДОВИК

Когда наш эксперимент «Семипалатинск-Невада» был в самом разгаре, вопрос стал о передаче записей взрывов американцам, да и старые записи надо было «деклассифицировать», рассекретить иначе говоря.

Вот и пригласил я к Велихову военных, — взаимопонимание тогда было у нас с ними. Весь очень короткий разговор происходил в загородной резиденции царя Николая II за двумя бульдогами, которые охраняют вход — вход в Академию Наук СССР.

Сценарий же был следующим:

— Можно ли закрывать записи по нашим взрывам за границей, — спрашиваем, — например, в Китае?

— Конечно нет, — отвечают военные.

— А сколько от Семипалатинского полигона до китайской границы?

— 400 — 500 км, не более.

— Так давайте откроем все записи о наших взрывах на расстояниях свыше 500 км от Семипалатинска! — предлагаем мы.

— Пишите письмо, — говорят, — откроем.

Так и совершили. Даже американцы не поверили, когда на совещании в Женеве сообщил им об этом. Совещание для меня еще потому было необычным, что впервые обзвали меня квакером. Так и написано было на табличке моего гостиничного номера в замке на берегу Женевского озера, что я — «квакер». До сих пор храню у себя «историческую» табличку. Дело в том, что замок принадлежал этому святому ордену. Им и проживать в нем полагалось. Вот меня и всех остальных приглашенных и определили в «квакеры». Интересовался тогда орден, как это так быстро советские и американские ученые договорились между собой?

Пригласили профессора Марка из Ливерморской лаборатории, советника Госдепа Баркера. Баркер — так тот мне не поверил, что секретность сможем снять с советских взрывов, о достоверности «необычайной» информации переспросил через месяц руководство нашей комиссии по атомной энергетике.

— Не имел права он говорить Вам об этом, — проворчали, — только мы можем сообщать такие новости, — и «большой зуб» на меня вырубил.

Сменилось уже давно то руководство, и зуб стерся, а квакеры — так до сих пор меня своим считают. Удивительно, что наш тогдашний разговор с военными, оказывается, был построен в точном соответствии с логикой короля Людовика, который симпатизировал Мольеру.

Мольер же, как известно, обладая неуживчивым характером, сильно «насолил» церкви, да так, что после его смерти церковь препятствовала его захоронению на Святой французской земле.

И вот на какой замечательный разговор короля Людовика с архиепископом Шанваллоном после кончины Мольера наткнулся я в книге Михаила Булгакова «Жизнь господина де Мольера»:

— ... Что происходит там по поводу смерти Мольера?

— Государь, — ответил Шанваллон, — закон запрещает хоронить его на освященной земле.

— А на сколько вглубь простирается освященная земля?
— спросил король.

— На четыре фута, ваше величество, — ответил архиепископ. — Благоволите, архиепископ, похоронить его на глубине пятого фута, — сказал Людовик ...

ЭКСПЕРИМЕНТ СЕМИПАЛАТИНСК-НЕВАДА

Я-то случайно попал во всю эту историю с экспериментом, прямо из «госпиталя», где залечивал свои раны после падения в горах Кавказа. В другую долину на шашлык к грузинам надумал прилететь на дельтаплане. Прилететь-то прилетел, а вот обратно вылететь не смог — туман там был низкий. Плечо мое при посадке и обломилось. Вот, с рукой на перевязи, за полгода до Форума, я и был втянут моим директором, как он говорил, в это «мерзкое» дело, когда американцы решили поставить свою аппаратуру вокруг Семипалатинска.

Это Том Кохрен из Совета по Охране Природных Ресурсов США и академик Евгений Павлович Велихов задумали эксперимент Семипалатинск-Невада. Поэтому и пришлось мне крутиться между особыми службами, военными министерствами разными и Академией Наук. Никто нам сильно не мешал, помогать старались. Ведь всему миру пришлось показывать, что можно контролировать любые взрывы.

**ЗОЛОТОЕ БЫЛО ВРЕМЯ ДЛЯ НАУКИ — СВОБОДА
УЖЕ НАСТУПИЛА, А ДЕНЬГИ ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛИСЬ.**

Эскадрилья местных самолетов встречала в Семипалатинске конгрессменов, которые приехали смотреть на первый неправительственный эксперимент по контролю за не проведением ядерных испытаний, организованный учеными СССР и США. При ответном же визите в Неваде нас поселили в игорном доме в Рино — «самом большом маленьком городе».

Всех избрали почетными гражданами города, а Женя так выступил по телевидению на все Штаты да схлестнулся с Хансоном — советником по ядерным делам в Госдепартаменте. Хансон эдак напыщенно вещает:

— Мол, ничего нового Вы не сделали в Вашем эксперименте Семипалатинск-Невада, только деньги зря потратили.

Женя ему с экрана ответил просто:

— Вы там, в Женеве, на Вашей говорильне угрохали больше денег на кофе с шампанским, чем мы на наш эксперимент и в Неваде, и в Семипалатинске. На том и разошлись — так ведь, до сих пор молчат полигоны!

ФОРУМ ЗА МИР И САХАРОВ

В самом начале перестройки Вице-президент АН СССР академик Евгений Павлович Велихов при прямой поддержке Михаила Сергеевича организовал Международный Форум за Мир. Помню, что как председатель Форума Женя вошел в зал первым, а Михаил Сергеевич после него — это смотрелось красиво. Меня же, как руководителя «круглого стола» по контролю за ядерными испытаниями на этом форуме, пригласили на Кремлевский банкет. На банкете между столами ходили Михаил Сергеевич и Лигачев. Около них образовывались разные группки. К Горбачеву протиснуться было трудно, а Лигачев оставался почти свободным.

Вот Евтушенко с артистом немецким Брандауэром и обрабатывали его. Евтушенко был в красном костюме — в том же, в котором выступал на сцене Кремлевского дворца. Так они с Брандауэром что надумали — звали Лигачева в консультанты, ставить какой-то фильм о тогдашнем интересном времени. Наверное было бы забавно, коль удался бы им этот фильм с Лигачевым.

Только звездой на том Форуме был Сахаров Андрей Дмитриевич. Вокруг него ходили толпы. То был его первый выход в свет. Академик Роальд Сагдеев пригласил нас к себе в дирекцию Института Космических Исследований перед Форумом. Сюрприз устроил — Сахаров у него появился впервые после ссылки. Пришел так, сел: — Дайте-ка на всех вас посмотреть, — сказал.

Посмотреть было на кого — собрался весь цвет физиков, которые участвовали в тогдашних политических играх.

При дальнейшей встрече с ним, я попытался рассказать ему о наших работах с американцами по контролю за не проведением ядерных испытаний.

Сахаров тогда лишь пробурчал: Меня сейчас это совсем не интересует. И отвернулся, — как бы разговор окончен.

ТИКЕТ

Впервые в Штатах я сел за руль и взял напрокат машину в самый разгар перестройки, когда мы совместно с американцами начали отрабатывать контроль за ядерными испытаниями. Из Колорадо в Сиэтл, где доклад должен был сделать, мне пришлось пробираться ночью. Вот и гнал по пустой автостраде 100 миль в час с дальним светом, что в США делать не положено. И уж, конечно, полиция меня сцапала. Руки положил на руль и показываю свои московские права, где ни слова по-английски. Повертел их в руках полицейский и спрашивает:

— What is this? (Что это такое?).

Начинаю ему объяснять, что я простой советский профессор, впервые еду по Америке, а это мои права, где даже по-французски написано: *Permi de conduire*.

— Сейчас проверим, — не очень-то добро проворчал он и напрямик прыгнул к себе в машину. Запустил мои документы в компьютер, а найти не может во всем штате Вайоминг, да не нашел бы и во всех Соединенных Штатах Америки. Возвращается так смущенно:

— Да, Вы правы, еще не было у Вас нарушений, но «ticket» (квиток штрафа) выписать обязан, правда на первый раз без денег. Еще раз нарушите, то предписано Вам его предъявить, и придется заплатить штраф вдвое больше.

Сложил я «ticket» аккуратно в свои права и забыл тот инцидент в Вайоминге. Вспомнил о нем, как остановили по дороге в Шереметьево, когда торопился встречать важных американских бюрократов. Вот и решился поупражняться немного, благо инспектор попался добродушный, и с улыбкой на мои объяснения урезонивал меня неторопливо. Тут я возьми и скажи ему:

— Эх! А вот в Штатах мне шли навстречу, когда необходимость заставляла поторопиться. Даже правительствен-

ный сертификат выдали, чтобы при надобности проехать на большой скорости и с дальним светом.

— Не может быть такого, — отвечает и продолжает улыбаться. (Нечасто теперь улыбку встретишь на дороге).

— Может, — говорю, — и «ticket» вытаскиваю, где моя фамилия проставлена с номером моих прав, да две галочки против большой скорости и света.

Удивился премного инспектор:

— Первый раз такое вижу, но не в Америке Вы же теперь, а в России, и потому будьте, пожалуйста, осторожны.

Козырнул и отпустил с Богом.

Больше возмущались встреченные мною американцы, что я использовал их «штраф» как «правительственный сертификат».

— Нельзя, — обиделись, — наш «ticket» за «government certificate» выдавать полиции.

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЧЁРНОЕ МОРЕ» И АДМИРАЛ

В то короткое, золотое для науки время, американцы закидали нас предложениями, с превеликим удовольствием работали с нами. Взять хотя бы «Эксперимент Черное море», который мы с американцами проводили в конце 80-х. Присутствие ядерных боеголовок на корабельных ракетных установках определяли с воздуха на вертолетах и непосредственно на палубе. Командовал тогда сценарием сам адмирал флота. Бойко, громко так командовал.

То ли глазомер мой подкачал, то ли издали не определил я, что три звезды на его погонах — большие звезды. Не встречал до того ни разу такого количества больших звезд.

А когда уже банкет был, все американцы, которые меня знали по «неправительственному эксперименту» в Семипалатинске, переводить просили, чтобы пообщаться с нашими моряками. Как же я опозорился, когда адмирала флота представил им как полковника!

Притянул он меня тогда к себе, наклонился и тихо так говорит:

— Что же ты, задница академическая, звезды по калибру различить не можешь?!

Простил он меня тут же. Запили обиду Новосветским шампанским. Американцы все равно ничего не поняли, были уже сильно «разогретые» — довольны, что эксперимент прошел удачно.

Тогда я не думал не гадал, что вопрос может встать позже: под каким флагом, какого государства — Российского или Украинского — выступать надлежит флагманскому кораблю?

АМЕРИКАНСКИЙ ДОМИК

Во время «Эксперимента Семипалатинск-Невада» попал в экстремальную ситуацию, когда сгорел один из трех «американских домиков» со всей дорогой, уникальной техникой, которую американцы вместе с нами расставили вокруг Семипалатинска.

Шуму было много. Требовали экспертную комиссию. Вызвал меня наш директор.

— Ты, — говорит, — эту кашу варишь со своими друзьями американцами. Вот и расхлебывай ее какой хочешь ложкой.

В жизни своей никогда не был председателем «Комиссии», а тут деваться некуда. Кого только в этой комиссии не было — и военные, и пожарники из Министерства, и службы разные, и местные власти.

Директор послал и генерала, который отвечал за все секреты и соответствующие службы в Институте. Скинули его к нам тогда из всем известного комитета с выговором по партийной линии. Не часто такое случается, чтобы такого генерала отправляли к ученым на исправление. Мы ему, помню, быстро сняли тот выговор — за неплохое дело он пострадал — дорогу проложил на дачные участки.

Использовал, как это называлось, служебное положение.

Отвел меня тогда генерал в сторону:

— Ничего у Вас не получится, не найдете виноватого, каждый будет валить друг на друга, — сказал и слег, приступ был у него, как объяснил мне.

Сердцем чувствовал, что он прав, а все равно «завелся».

— Как это не получится? Получится — Вы только не мешайте.

Понял, что нужно выбрать что-то нетривиальное. Собрал всех и замечаю:

— Если сгорит еще один «американский особняк», нам всем не сносить голов. А потому, чтобы не произошло ни-

чего подобного, от каждого требуется только рапорт по оценке ситуации. Соединил рапорты воедино, все дружно и расписались, — и домики просуществовали благополучно до конца экспедиции. Глядишь, и сейчас кому-то служат на земле казахстанской.

После такого простого решения там, в Семипалатинске, улыбнуться пришлось даже генералу.

ГАРМСКИЙ МЕДВЕДЬ

Лучший полигон института размещался у нас в Гарме в Таджикистане, на границе с Афганистаном. Международного класса работы велись там с американцами в советское время.

Кто же знал, что будет всё разрушено и расхищено. В середине 60-х, когда и я там недолго работал, кипела научная жизнь в тех местах. Дикими и не тронутыми оставались эти места.

Вот и случился со мной очередной казус, когда пригласили на медвежью охоту. То была моя первая и последняя охота!

Следы молодого медведя обнаружили на кукурузном поле. Разместились мы все вокруг этого поля, чтобы встретить его поутру. Меня у распадка оставили, где росло небольшое дерево. Забрался в него поглубже, чтобы, как мне казалось, находиться в большей безопасности.

Короче говоря, заснул я с непривычки, как слышу — что-то огромное ломится под моим деревом, сквозь кусты протискивается.

Ружьё вскинул, стрелять приготовился...

На моё счастье сумерки рассеивались, и на чёрном фоне большого тела углядел я белые пятна! Оказалось....— то корова сотрудника станции.

Вот бы пассаж вышел, коли успел бы я выстрелить! Отбил этот случай моё желание участвовать в подобных охотах.

Медведь тот может и сейчас живёт, а полигон наш «Гарм» умер, захоронен надолго, и звёздочка перечёркнута на мировой сейсмической карте.

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Несмотря на то, что Семипалатинский полигон доживал, как говорится, свои последние дни, военные, по своей привычной осторожности, не давали согласия на проведение даже небольшого взрывного сейсмологического эксперимента для калибровки американской и нашей аппаратуры. Я написал тогда записку Евгению Павловичу Велихову и потом с удивлением встретил её в Генштабе, куда меня срочно вызвали.

В зале заседаний за длинным столом собрался весь генералитет Генштаба. Меня и приглашённого руководителя отдела МИДа по ядерным делам усадили в середине стола напротив друг друга. После минутной паузы достают и показывают мою записку. Смотрю, наверху появилась надпись: “Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!” — а внизу подпись Велихова. А в левом верхнем углу красными чернилами, рукой Горбачёва написано: “ В Генштаб. Срочно разобраться и доложить!” и подпись Горбачёва.

Опять минутная пауза. Потом:

— Что же нам делать? Как выходить из этого положения?

Помню, мы с представителем МИДа синхронно сказали:

— Входить не надо было. Сделайте калибровочный взрыв обычным ВВ.

Так военные тогда взрывом полхолма отвалили! Американцы в ответ сделали в скважине небольшой, так называемый, “укупоренный” взрыв. Говорили, что на большее денег не хватило.

Случится же такое, что моя записка помогла тогда немного нос утереть американцам!

«ПРАЖСКАЯ ВЕСНА»

В Чехословакию мы попали летом 1968 года, аккурат перед событиями. В воднолыжную сборную команду Советского Союза меня включили, потому как удалось выиграть первые международные соревнования в городе Дубна.

Чешский скульптор и капитан команды Ёзеф Налепа всё допытывался у моего тренера, откуда я такой взялся. Но тренер наши с ним секреты не выдал, намекнул только про посещения «зеленоглазой нимфы». Стали мы с Ёзефом большими друзьями и часто встречались в Москве и Праге.

А тогда в Чехословакии мы попали в самую гущу событий, только и было разговоров, что надо начинать жить по-новому. Это они, надолго опередив нас, пытались выполнить свою «перестройку». И, хотя всё это закончилось плачевно, мы в беседах с ними с надеждой выговаривали:

— Давайте, у вас получится, так и мы, глядишь, за вами не испугаемся.

Получилось у нас только через 20 лет благодаря Горбачёву. Так чехи сразу же попросили:

— Дайте нам на время вашего Горбачёва!

В тогдашнее же смутное время пришлось нам вновь появиться в Чехословакии после событий. На те же международные, как говорится, сами напросились, назвав их «ежегодными — товарищескими». Ничего уж «товарищество» вышло! «Как в воду глядели», прямо такие...предусмотрительные.

Ох! И досталось же всей нашей советской команде! Никакие шлемы не помогли, которые нам «надели» ещё в Москве. Так и сказали:

- Гимнастов жалко, а у вас — воднолыжников ... шлемы.

Мало того, что шлемы, так ещё на «олимпийскую» форму нашили крупные буквы — СССР, что всегда означало — Сборная Союза.

«Красной тряпкой для быка» были эти буквы в Чехословакии по тогдашним временам. Начальник команды — майор заставлял носить форму. Приходилось только удивляться, как мы оказались не побитыми через такие «майорские» приказания. Да и майора дали того самого, что выуживал нас из пивных баров в прошлую поездку. Чутьё у него было особенное: только мы с нашими друзьями-чехами соберёмся в бар «попить пивичка», а он тут как тут, грозился дисквалификацией. Мы долго не могли понять, кто же нас ему выдавал. Оказалось, то был тренер немецкой команды, и так тогда разыгрывалась роль «третьего лишнего».

Майору дали подполковника, а мы возвратились, как с Северного полюса.

КАПУСТА И ВОЙНА

Из Ленинграда почти всех физиков успели эвакуировать в Казань.

Время было голодное, но скромный физический паёк всегда добавлялся приличным количеством спирта.

А за помощь в колхозе по уборке капусты, отец получил целую подводу. Шинковали капусту бочками, и мы стали капустными королями. Физики приходили к нам в гости на спирт и квашеную капусту. Спасала так капуста хороших физиков!

Я же в огороде занимался тем, что рыл окоп, а из него старался сделать подкоп в ставку фюрера. Закапывали каждый раз моё сооружение, — нет бы мемориалом оставить!

А ещё с большой охотой портрет Сталина с газет срисовывал. Здорово у меня, эдак, получалось!

Не подозревал я тогда, что всю семью подвергал опасности, — вдруг бы по детской наивности пририсовал что-нибудь, так и капуста бы не понадобилась!

АМЕРИКАНСКИЙ ГИННЕС

«Эксперимент Семипалатинск — Невада» с американской стороны проходил под флагом Совета по Охране Природных Ресурсов США.

А Президент Совета Джон Адамс оказался заядлым коллекционером старинных автомобилей и мотоциклов. Поэтому американцы попросили меня помочь им достать для него какой-нибудь мотоцикл времён войны. Мы, говорят, тебе за это подарим компьютер. Отмахнулся я тогда деликатно от их просьбы, некогда было ей заниматься, да и компьютер по условиям моей тогдашней работы мне не очень-то был нужен.

Так вот, проходит некоторое время, и я вспоминаю, что после войны мой отец и дядя Григорий Иванович купили два трофейных велосипеда с моторчиками немецкой фирмы “Вандерер”. Наш велосипед отец у меня отобрал за плохое поведение, и подарил моему другу, с которым уже давно была связь потеряна, а вот у дяди он должен был сохраниться. Дядя давно умер, а когда я зашёл на его дачу, которая была рядом с нашей, там находился его племянник.

— Юра, — спрашиваю я его, — помнишь трофейные мотосипеды?

— Как же, помню. Вон две авоськи ржавчины в сарае. Если нужны — забирай.

И тут же пожаловался, что для его магнитофона имеются только советские кассеты плохого качества. На счастье, у меня в кармане был целлофановый пакетик с тремя кассетами ценой в один доллар, на котором было написано “low noise”. Юра был счастлив, обернул ржавые детали газетами и даже нарисовал схему сборки. Единственно нормальной деталью была тиснённая кожаная кобура для инструментов. Зато был обрывок паспорта с изображением мужчины в длинном кожаном пальто, держащим руль.

Положил я оба свёртка в багажник, а открыл его через несколько дней в аэропорту, куда подвёз Тома Кохрэна. “Вот Том, могу подарить вашему президенту два мешочка ржавой рухляди, — со смехом сказал я ему, — это всё, что осталось от трофейного образца времён войны”. Том спросил, может ли он забрать это с собой, и спокойно прошёл через таможеню. Я освободил багажник и забыл про эту ржавую шутку.

Но где-то через год - лечу в Нью-Йорк с нашей делегацией на совместный семинар по обсуждению результатов эксперимента и с удивлением вижу, как после окончания мне выносят компьютер 286 с табличкой “Профессору Мише Гохбергу”. А в Москве мой сосед, который работал в космической фирме “Алмаз”, сбился с ног в поисках компьютера, коего в то время у нас в Союзе достать было практически не возможно. Сообщив мне, что фирма у меня его покупает, он через пару недель принёс мне чемодан денег, которых бы хватило на пять “Жигулей”. И одни я всё-таки купил, поскольку в институте подошла моя очередь, в которой я стоял почти 10 лет. На один доллар пять “Жигулей” — это было что-то! Похоже, я случайно совершил нечто похожее на рекорд из книги Гиннеса.

Уже совсем недавно, после очередного доклада на AGU, я заехал в гости к Джону Адамсу. Мы стали хорошими друзьями. Его жена Ан — замечательная американская писательница — издала книгу о тогдашнем интересном времени, где нашему эксперименту была отведена целая глава. Гуляя по его обширному владению и показывая мне свою коллекцию автомобилей, в одном из гаражей он привлёк моё внимание, спросив, не вижу ли я чего-то знакомого. Я долго не мог сообразить, к чему он клонит. Тогда он подвёл меня к центральной части выставки, и мы остановились... На шикарном пьедестале красовался восстановленный мой “Вандерер”.

ФРАНЦУЗЫ И СОВЕТСКИЕ ЗВЁЗДЫ

К предложению своей руководительницы — профессору Валерии Алексеевны Троицкой поехать с ней в Париж я отнёсся вполне серьезно и «прокопал» горы материала. Появился в Париже с готовыми статьями. Моим французским коллегам их руководство поставило меня в пример в то время.

А по своей тогдашней наивности гордо носил на груди значок Чемпиона Вооруженных Сил СССР. В то время Сборная Союза состояла полностью из членов клуба Военно-Морского Флота (ВМФ), техника была там лучшей, условия. Ну, а состав команды и я, подавно, никаких отношений к личному составу ВМФ не имели, на флоте не служили и никогда о том не помышляли.

Удобное было тогда слово — «актив». Вот мы в активе и состояли — активистами, иначе говоря. Когда соревнования я выигрывал, больше всех веселился мой отец, если было в газетах написано — «соревнования выиграл моряк Гохберг».

А французы уже тогда не больно-то наши звезды жаловали.

— Что это за безвкусицу с красными звездами нацепил на грудь? — спрашивают.

Задумались — кого это им прислали: ученого, спортсмена или служащего Советской Армии? Не поверили, когда объяснил им, что не служил никогда в армии и даже не мечтал об этом. Тем не менее, соответствующие французские службы решили меня проверить.

Вот, я и получил приглашение от французского адмирала с Орденом красной розы в петлице отобедать с ним в парижском ресторане. Представили его мне как тренера и судью в воднолыжном слаломе.

Поговорили мы с ним о разных пустяках за обедом. Выяснил он, что армия меня мало интересует. Кучу советов надавал, как «в поворот ложиться» на трассе слалома, да французский инвентарь приобрести посоветовал. Первая лыжа с «туннелем», которую я привез в Союз, сделала тогда революцию у нас в воднолыжном слаломе. Спасибо адмиралу — помог он в развитии российского спорта.

С французами же по нисходящей пошло с тех пор. Следующим появился капитан ВМФ Франции. Появился он на борту судна «Мессажер-Маритим», на котором мы с моим коллегой Борей плыли с Мадагаскара на необитаемый остров к берегам Антарктиды для участия во французской экспедиции.

Александром Сергеевичем, помню, представился. Объяснил: мол, давно мечтал развеяться, порыбачить у острова.

Французы нам сразу намекнули, что той «рыбкой» были мы с Борей, и приставлен к нам капитан на время плавания. Тихо посмеивались над ним французы, когда он получал их при игре в вист с гусарским самомнением. Ничего не оставалось Александру Сергеевичу, как искать с нами дружбы. Переводил нам все фильмы, кои крутили на корабле изо дня в день. Очень уж он неловко себя чувствовал, если русские шпионы появлялись в тех фильмах.

Извинялся как бы перед нами, а то мы возьми и объяви их по тем временам политической провокацией.

Как-то во время наших откровений спросил меня:

— А смотрели Вы фильм «Небо над головой»?

— Да, — говорю, — смотрел, хороший фильм — про французский авианосец.

— Так ведь я, — поясняет Александр Сергеевич, — был командиром этого авианосца. Меня приглашали в фильм на роль командира русской подводной лодки, но я не согласился. Отказался я играть русских шпионов. Молодец, капитан, не посрамил чести флота французского.

Тогда же, кому не лень, всех русских в шпионы записывали.

(Впрочем, как и у нас — иностранцев.) Под перекрестным огнем находился каждый, выезжающий из Союза за границу. Оно и понятно — отбор был строжайший, не каждого выпускали так просто гулять на свободе. Вот, всех и проверяли — не шпион ли. Так что, может и не при чем был мой значок с армейскими звездами.

«Подлил только масла в огонь» на советско-французские отношения того времени.

ООН И НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Не знаю, как все получилось, что меня определили делать в ООН доклад о советско-американских работах и объяснять феномен нашего эксперимента, который впереди правительственных соглашений бежал во времена нарождающейся перестройки.

Советская колония обосновалась в так называемом «Белом Доме» в Нью-Йорке. Тишь и благодать, ничто никого не интересует по старой памяти. Все только своими делами занимаются да думают, как продлить свое пребывание на ООНовскую стипендию. С трудом нашел, у кого получить пропуск в здание ООН, а как зашел туда, понял, что вообще никому не нужен ни я, ни мой доклад.

Виталия Гольданского встретил.

Он был тогда крупной фигурой — двигал Пагоушское движение. Он-то и объяснил мне все популярно.

Ты, — говорит, — не высовывайся со своим докладом, пока тебя не попросят. Я и не высовывался — меня тоже не вспомнили. Так в ООН и не услышали моего «важного» доклада.

А его сына Митю учил я летать на дельтаплане. Милочка Гольданская — мама Мити и приехала посмотреть наши полёты, да привезла с собой своего друга — небольшого роста с оттопыренными ушами. Когда же он попросился помочь мне и попробовать поднести в гору дельтаплан, я милостиво согласился.

Я потом чуть со стыда не сгорел, когда узнал, кого решил взять к себе в помощники таскать в гору дельтаплан, — то был академик Юлий Борисович Харитон — отец советской атомной бомбы!

«ГРАНД-ОПЕРА» И «КОМСОМОЛКА»

С моим другом Бернаром в Париже было всегда интересно. Однажды, мы с ним попали в авантюру в театре «Гранд-Опера». Было это примерно так.

Решили мы втроем — «друзья-летчики» — Бернар, Жерар и я окунуться в ночной Париж. Назначили встречу на Пляс де л'Опера в одном кабачке. Ждем Жерара час, другой. Бернар свой «пастис» поглощает, я — виски без содовой, стали совсем разогретые, рвемся в ночной Париж.

Прибегает Жерар взъерошенный и без всяких извинений просит еще час для себя. Мы его спрашиваем осторожно:

— В чем дело, Жерар? Не думаешь ли ты, что мы тебя всю ночь будем ждать здесь?

— Извините, — наконец, отвечает, — выступление статистом заканчиваю в «Гранд-Опера» в генеральной репетиции «Принцессы Турандот». Хотите посмотреть — пошли. Может, и вы тоже пригодитесь.

В жизни своей не был в «Гранд-Опера», а тут сразу попал за кулисы, что не меньше самого зала. «Тепленькими» нас взяли в оборот, приодели в «лохмотья». Мне дали копье, Бернару — щит и меч, и вытолкали маршировать на сцену. Мы-то и просто передвигаться с трудом могли после выпитого, а тут нужно маршировать по сцене. Да Бернар еще корчится со смеху:

— Мы с тобой, — смотрит на меня, — «Пат и Паташон». Он маленький, я длинный — и прямо с ног валимся. Только и меня стал забирать смех, как громовой глас слышим:

— *Je vous tuera!* *Vous ne pouvez pas marcher.* (Я вас убью! Вы не можете маршировать!)

Это режиссер — старушка в буклях — кричит нам. В результате изгнали нас со сцены с позором и из театра выдворили. Тут же и Жерар нагнал нас, да показывает в кулаке зажатые франки.

— Я и за вас, — кричит, — получил. Будет на что ночь провести на Монмартре.

Не один год потом вспоминал Бернар наш выход, а я, как в Москву вернулся, не утерпел и порассказал своим друзьям парижские похождения.

Финал этой истории был таков. Стою как-то в институтском коридоре, читаю стенгазету. Подходит ко мне наш сотрудник Марк Зайончковский и говорит так вкрадчиво:

— Ты не ту газету читаешь. Читай «Комсомолку», там появилась разгромная статья, как советский ученый подвизается на подмостках французской сцены и, между прочим, упоминается твое имя.

Как я устоял на ногах — не помню, а Марк меня дальше «успокаивает»:

— Возвращайся к себе в кабинет. Я доставлю тебе ту газету минут через двадцать.

Эти несчастные двадцать минут длились, как в кошмарном сне.

Было начало 70-х годов, моя научная карьера находилась на взлете. Да и в дирекции работал — на виду у всего Института. Как буду отмываться? Тут уж и в райком потащат, и санкции примут — грустно мне так стало.

А тут и Марк с газетой в дверь протискивается и осторожно подкладывает ее на стол.

Трясущимися руками разворачиваю «Комсомолку», не могу найти статью проклятую. А Марк сидит напротив, на меня сквозь очки поглядывает. Скоро в его глазах начали мелькать смешинки.

— Готовь бутылку, — улыбается, — не найдешь ты этой статьи, не написана она еще. В следующий раз трепаться не будешь.

« СЁРФ» ИСКУССТВЕННЫЙ

Я всю жизнь мечтал о настоящем «сёрфе». Не было в Союзе океанского прибоя с нужными волнами. А нам, ученым, — что! Взяли и сделали искусственную волну на Московском водохранилище. До того просто все оказалось. Самое тихоходное суденышко шло в ход — этого добра у нас всегда хватало.

Замечательная картина получалась: на корме компания друзей, волна огромная, на ней на доске скатываешься — как приклеенный за катером мчишься. У меня сразу и статья появилась в «Технике молодежи», когда кричащий от удовольствия редактор скатился с «самоделишной» волны.

Редактор Василий Дмитриевич Захарченко, — человек очень интересный и увлекающийся не поверил сначала, когда я принёс ему эту статью.

— Миша! Такого быть не может, — возразил он безапелляционно.

— Может, может — поехали на водохранилище — покажу, — быстро нашёлся я.

Когда же после нескольких попыток мне удалось поставить его «на волну», крикнул он на всё водохранилище:

— Миша! Это лучше, чем секс! Размахивал я этой статьей перед нашими адмиралами, всерьез уговаривал их шоу устроить на празднике ВМФ — за торпедным катером, на его волне прокатиться перед трибунами Водного Стадиона. Не прошла тогда моя затея. В те времена идеи и похлепке оставались без внимания. До сих пор разбираемся с трудом, какую же волну надо поднять, чтобы протолкнуть на ней что-то дельное у нас в науке.

Литературно-художественное издание

М.Б. Гохберг

ИНТЕРЕСНЫЕ, ОПАСНЫЕ, А ИНОГДА ГЛУПЕЙШИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АВТОРА

художник

Марина Баланюк

Формат 90*60/16 Бумага офсетная

Печать циф . Усл.печ 4

Тираж 50

Модовитель отделения Института Физики Земли им О.Ю.Шмидта РАН Про - фессор, доктор физико-математических наук, академик Российской Академии Естественных Наук (награжден Почетным знаком «Рыцарь науки и искусства») и Международной Академии Наук Евразии.

Член Союза Писателей России, регулярно печатается в различных литературных сборниках. Изданы четыре книги: «Паруса распустив...», «Отчёт под ко - жовым названием Краб», «Красота Вселенной» и «Маленькая фантастика». Кавалер «Золотой Есенинской Медали» и «Медали Гёте», награждён па - сьятными медалями А.П. Чехова и С.Я. Маршак а Московской городской организацией СП России присвоено почётное звание «ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ».

Мастер спорта СССР, в 1960-70-х г был членом воднолыжной сборной Советского Союза и неоднократно побеждал во Всесоюзных и международных соревно - жаниях. Федерацией воднолыжного спорта России награждён медалью «Адмирал Горшков».

Пионер отечественного дельтапланеризма. Им совершены первые в стране вы - сокоргонные полёты на дельтаплане собственной конструкции, а статьи, вышед - шие из печати в начале 70-х в журнале «Техника Молодёжи», помогли многим подняться в воздух и обрести свои крылья. Кавалер медали Международной Федерации Аэронавтики. Объединённой Федерацией Сверхлёгкой Авиации России награждён медалью «Первый Трижды Герой Советского Союза Покрышкин Александр Иванович».